

18+

КРИСТИНА АМАРАНТ

БУДЬ МОЕЙ
Судьбой

Кристина Амарант
Будь моей судьбой

«Автор»

2018

Амарант К.

Будь моей судьбой / К. Амарант — «Автор», 2018

Для высшего демона любовь к полукровке-оборотню - недопустимая слабость. Но начатая со скуки игра внезапно обернулась против игрока. Что сделает Раум ди Форкалонен, когда поймет, насколько стал зависим от дерзкой рыжей девчонки? Признается в своем чувстве и отпустит ее? Или попытается подчинить упрямую волчицу? Последний том трилогии "Будь моей..."

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	20
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	28
ГЛАВА 8	32
ГЛАВА 9	37
ГЛАВА 10	41
ГЛАВА 11	44
ГЛАВА 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алина Лис, Кристина Амарант

Будь моей судьбой

ГЛАВА 1

Куратор группы прикладников – еще не старый и очень импозантный оборотень-гризли поправил очки и взглянул на девушку с отеческой заботой.

– Я более чем понимаю ваше намерение перевестись, мисс Рейд. И, конечно, я дам вам самую лучшую характеристику. Однако позволю себе быть откровенным: с нынешней успеваемостью вы вряд ли получите на стипендию Вестфилдского магтехнологического колледжа. Не спору: вы прилежная студентка, одна из лучших на потоке. Но чтобы выиграть грант на полную оплату обучения вам нужно быть лучшей из лучших. Идеальной. А вы сами знаете, что в последнее время ваша посещаемость, да и успеваемость... – он выразительно развел руками.

Дженни отвела взгляд. Да, вопреки всем благим намерениям, ее успеваемость за последние пару недель не только не стала лучше, но даже несколько ухудшилась.

– Я знаю, – сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало не просительно, как у двоечника, который выпрашивает дать ему еще один шанс, а как трезвые и взвешенные слова взрослого человека. – Но до окончания учебного года еще семь месяцев. Я планирую уже к зиме выйти на отличные оценки.

Куратор снисходительно улыбнулся.

– Вы – девушка умная и целеустремленная, уверен, что у вас получится, мисс Рейд. Особенно, если ликвидируете отвлекающие факторы.

Уши запылали, как два факела. В невинных словах куратора Дженни послышался скрытый намек на ее роман с Раумом, о котором жужжала вся академия.

– Ликвидирую, – мрачно пообещала она.

С Раумом действительно пора завязывать. Ситуация давно перешла грань разумного, вчерашний вечер прямое тому доказательство.

– Вот и хорошо. Я бы рекомендовал также кроме учебы налечь на общественную работу. Адепты с активной гражданской позицией традиционно имеют преимущество.

– Общественная работа? – Дженни нахмурилась. – Например?

– Участи в благотворительных правительственных проектах в качестве волонтера. Ваши знания, конечно, пока очень невелики, но даже они могут оказаться полезными. Если руководитель социальной службы даст вам хорошую характеристику, это может повлиять на положительное решение о стипендии.

– Ясно.

Ясно одно: свободного времени у нее теперь совсем не останется. Все, что останется после учебы, придется отдать волонтерским проектам. Раум будет недоволен.

При этой мысли Дженни неожиданно разозлилась. Недоволен он будет! Она тоже не в восторге от необходимости таскаться с ним по светским приемам и терпеть приставания неадекватных придурков. А потом еще от самого демона отбиваться!

Но... зато она смогла обернуться.

От этой мысли девушка расплылась в блаженной улыбке. А вспомнив поспешное отступление демона из спальни, не удержалась и снова захихикала.

Вот так-то! Выкусите все, кто дразнил ее, обзывая человечкой. Дженни настоящая волчица, пусть даже и смешной ярко-рыжей, почти красной масти. Нет у нее никакой монотомии.

Прошлую ночь она почти не спала – отрабатывала оборот. Это оказалось не так уж просто, но Дженни наконец-то поняла, что делала неправильным раньше. Чтобы превратиться в волка нужно было всего лишь... стать волком.

Да, стать волком. Полностью отдать контроль, выпустить наглую бестию гулять без присмотра. Стать не рулевым, а простым наблюдателем в их одной на двоих лодке.

Сложно. И страшно. И неловко, потому что потом приходится отвечать за то, что натворила эта мохнатая зараза. Ну ладно столбик у кровати погрызла и вазу разбила – Рауму не будет с такой потери. Но осмелев от подобных подвигов она, дрянь такая, еще и помочилась под дверь. Типа пометила территорию, ага.

Дженни тогда так охренела от действий волчицы, что не сумела сразу ее остановить. А потом было поздно.

И превращение в человека уже ничего не могло исправить. В ответ на ругань волчица скулила и виновато прижимала уши, но явно не раскаивалась.

– Уйди от меня, животное, и не возвращайся, пока я не перестану злиться! – психанула в конце концов Дженни и пошла за тряпкой. Звать служанку, чтобы та убрала за дурной волчицей, было стыдно.

Вообще, странно, что ее впервые проснувшийся зверь оказался не крохотным слепым волчонком, а молодой огненно-рыжей самкой. Здоровенной – по пояс взрослому человеку в холке. Веселой, дружелюбной и абсолютно невоспитанной. У волчицы на все происходящее имелось свое особое мнение и, кажется, совершенно отсутствовали тормоза.

А еще она, впервые ощутившая вкус свободы, теперь непрестанно донимала Дженни просьбами выпустить ее.

Нет, это прекрасно, что она есть. Но Дженни определенно не помешают уроки по обращению с собственным зверем. Справляются же остальные волки как-то с этой напастью.

А еще не помешает объяснить ди Форкалонену, что с вечерними развлечениями пора завязывать. Это он может позволить себе неделями не появляться на лекциях, а ей надо работать на будущее.

Вчера Раум еще несколько раз рвался поговорить, но Дженни была на него так зла за попытку обойти их договор, что всякий раз превращалась в волчицу. Рыжая зверюга все так же приходила в кипучий восторг при виде демона, но он отчего-то ее теплых чувств не разделял и общаться особо не рвался.

Как минимум одно неоспоримое преимущество от звериного облика – железная защита от посягательств. Хренушки ее теперь кто принудит к сексу без ее согласия.

– У вас еще какие-нибудь вопросы, адептка Маккензи? – вопрос куратора вырвал ее из облаков, к которым Дженни, сама того не заметив, воспарила.

– А? Нет, простите. Я пойду?

– Идите – он добродушно улыбнулся. – До встречи через месяц.

– Она собирается... куда?

– Вестфилдский магтехнологический колледж, – повторил сотрудник службы безопасности. – По словам куратора группы, перевод запланирован на следующий год. В данный момент успеваемость девушки недостаточна высока, чтобы претендовать на стипендию.

Раум прикрыл глаза и стиснул подлокотник кресла так, что полированное дерево жалобно хрустнуло.

Перевод? Дженни-конфетка хочет сбежать?!

Сбежать и оставить его тут одного, подышать от ломки. Несмотря на все подарки, которыми он ее осыпал. Несмотря на все его старания быть внимательным, нежным. Да он буквально наизнанку вывернулся, заботясь, чтобы ей было хорошо, а она даже на секс до сих пор не согласилась!

И как хорошо все придумала, стерва! Вестфилд – когда еще туда дойдет весть об их связи. Если дойдет вообще.

А ему казалось, действительно казалось, что она к нему что-то чувствует. Что для нее это больше, чем просто сделка. Слишком часто Раум ловил в ауре ее эмоций такие удивительные, теплые ни на что не похожие всполохи. Ловил и замирал от идиотского ощущения счастья внутри.

А рыжая его просто использовала! Чтобы вырваться из тюрьмы, избавиться от пристававший вампира. Мило улыбалась, обнимала, целовала по утрам, а сама только и думала, как бы сбежать.

Сколько волка ни корми...

Демон ощутил себя обманутым в ожиданиях, униженным таким явным пренебрежением, и это было незнакомое, мучительное чувство.

Будем честны: девочка и не скрывала своих намерений. Это Раум позволил себе обманываться – слишком уж незнакомым и сладким был вкус эмоций, которые источала рыжая. Отличным от вожделения, стыда, похоти, жажды наживы.

Но Дженни никогда не обещала ему ничего. С самого начала говорила, что бережет девственность для мужа.

От последней мысли он зарычал – глухо и страшно.

“Убью, – с каким-то неприятным холодком в душе понял Раум. -Любого, кто прикоснется к ней!”

Дженни – его наркотик, его болезнь и лекарство. И да – однажды он высосет ее досуха, заберет ее пылающую непокорную душу, но до тех пор рыжая – его добыча! И он никому ее не отдаст!

Видит бездна, он пытался быть милым, учитывать ее желания! И к чему это привело?

Нет, нахрен игры в демократию! Раум и так слишком долго жевал соплю. Пора бы вспомнить, что договору у него достаточно прав, чтобы контролировать ее жизнь полностью.

Подлокотник под пальцами крякнул и сломался. Раум открыл глаза.

– Яс-с-сно, -произнес он сквозь зубы. – Продолжайте слезку.

Потянувшись к постогографу, демон вызвал на экран карту. Мигающая красная точка в районе библиотеки свидетельствовала, что девушка все еще находится на территории кампуса. Раум раздвинул губы в злой улыбке.

– Думаю, нам надо кое-что обсудить, Дженни-волчица.

ГЛАВА 2

А по дороге к главному корпусу ее окликнул знакомый голос.

– Дженни! Дженни, подожди! Остановись, пожалуйста-а-а!

Чарли бежал по аллее, отчаянно размахивая руками, чтобы привлечь ее внимание. Все такой же симпатичный и милый – немного растрепанный, взволнованный – он вдруг показался Дженни безнадежно юным и наивным. Словно она за эти короткие недели успела повзрослеть, а он так и остался щенком.

Вместо смешанного с отвращением равнодушия при виде оборотня, девушка вдруг ощутила тепло и печаль. Слишком долго Чарли был ее самым близким другом, почти братом. Влюбленность ушла безвозвратно, но прожитые рядом годы, пережитые вместе приключения, разделенные на двоих тайны и детские воспоминания все еще связывали их.

– Привет, – она улыбнулась. – Давно не виделись.

А ведь действительно давно. С той последней встречи незадолго до злополучного концерта. Она и не вспоминала о нем – слишком много всего произошло.

– Я уезжал, – он остановился, тяжело дыша, после бега. В устремленном на Дженни взгляде читалось что-то тревожное, просящее. – Возвращался в Синие горы.

Она вздрогнула.

– Ты сказал им?!

Последнее письмо от матери пришло позавчера. И в нем не было и намека на то, что клан знает о печати изгоя. Но если Чарли ездил домой...

– Только отцу, – он умоляюще вскинул руки. – Я сказал, что ты ни при чем! Что это только моя вина. И... и я больше не жоак, Дженни.

– Мне жаль, – тихо ответила девушка.

Так и должно было случиться. Клан не спустил бы подобное злоупотребление властью жоака. Но ей действительно жаль этого глупого мальчишку, который самонадеянно разрушил свою и ее жизнь.

– Потом мы с отцом собирали совет жоаков, – продолжал он, словно не услышав. – Новый наследник пока не выбран. Отец считает, что Дерек не справится...

Дженни кивнула. Младший брат Чарли был добрым, но слишком мягким. Неумение отказывать в просьбе – плохое качество для жоака.

– Но главное: я встретился с шаманом клана Маккуин. Печать изгоя можно снять, Дженни!

– Что?! – она вздрогнула и уставилась на него неверящим взглядом.

– Можно! – от избытка чувств Чарли схватил ее за руку. – Я обо всем договорился! Нам надо ехать в Маррейстоун. Срочно!

– погоди, – девушка помотала головой. Ничего себе новости! Она как-то уже смирилась с тем, что в ее жизни больше не будет Маккензи. Привыкла думать, что она одна против всего мира и рассчитывать может только на себя. – Куда? Зачем? Маррейстоун – это там, где вулканы? Закатные горы?

Огромная и почти необжитая горная гряда на северо-востоке. Вулканы и гейзеры, каньоны и озера. Кажется, это земли кланов Маккуин и Макферсон...

– Ну да. Там живет Говорящая-с-Луной, которая может тебе помочь. Она ждет нас, Дженни!

– Хорошо, давай съездим, – нерешительно согласилась девушка. – На зимних каникулах...

Против воли сердце в груди забилося чаще. Снова вернуться в клан. Почувствовать его поддержку, стать его частью. Похоже на сказку, даже надеяться страшно, вдруг оборотень ошибается и ничего не получится?

И в то же время Дженни ощутила смутную печаль. В том, чтобы самой принимать решения, планировать и действовать, в одиночку добиваясь цели, есть совершенно особое удовольствие. Она никогда не была стайным зверьком, даже среди Маккензи держалась наособицу, безоговорочно подпуская к себе только мать и Чарли.

Друг изумленно распахнул глаза, а потом на его лице отразилась нешуточная обида. Словно он на последние деньги купил подарок, о котором Дженни давно мечтала, а она взяла и выкинула его помойное ведро.

– Ты... ты что? – переспросил он с глупым видом. – Как на каникулах?

– Я не хочу пропускать учебу.

Дорога – двое суток на поезде. Потом еще по горам несколько дней. И неизвестно сколько времени займет снятие клейма. Итого минимум неделя прогулов, а у нее и так все не слишком хорошо с успеваемостью...

– Но... – на оборотня было жалко смотреть. Он поник, а потом снова вскинул голову. – Говорящая-с-Луной сказала, что его нужно снять как можно скорее. Чем скорее, тем лучше, иначе клеймо станет единым целым с аурой.

– Ох... – она вздохнула и нахмурилась. – Это все меняет.

– Поехали завтра? На дневной поезд еще есть билеты.

– Нет, завтра не получится, – надо предупредить в деканате об отсутствии по семейным обстоятельствам, договориться с Раумом. Да и сделанный по общей теории плетений доклад неплохо бы сдать до отъезда. – Давай попробуем на послезав...

Она не успела договорить. Словно ледяной вихрь налетел на них, разметал, отшвырнул Чарли в сторону, заставив отлететь и врезаться в дерево.

– Еще раз увижу рядом с ней – убью, – процедил бледный от ярости Раум ди Форкалонен. – Ты понял меня, малыш Чарли?

– Раум?! – в первое мгновение Дженни опешила, а потом разозлилась. – Ты что творишь?!

– Что я творю?! – переспросил демон. Вроде бы негромко переспросил, даже ласково, но Дженни при звуках его голоса прошиб ледяной пот. Захотелось съежиться, спрятаться, стать маленькой и незаметной. – Давай лучше спросим, что ТЫ творишь, детка!

– Беседую со старым другом, – девушка помотала головой и выпрямилась. Разрычался тут! Она ни в чем не виновата и не даст себя запугать. – Ты не имеешь права запрещать мне разговаривать с кем я захочу!

Она попыталась обойти его, чтобы посмотреть, что там с Чарли. Оборотно все-таки очень сильно досталось – Дженни видела, как он пролетел не меньше пяти футов, прежде чем впечатался в ствол дуба. Но демон сделал шаг в сторону и снова оказался на ее пути.

– Куда?

– Хочу помочь Чарли.

– Забудь о Чарли! – его лицо закаменело от ярости.

Да что происходит вообще?! Какая муха укусила Раума?!

Оборотень под деревом шевельнулся и застонал. Дженни дернулась было на помощь и ощутила, как на запястье стальным капканом смыкаются пальцы.

– Ты. Не подходишь. К нему, – выговорил он с нехорошей улыбкой. – Что непонятно?

– Вызови хотя бы врача! Ты ему все кости переломал!

– Вызову. А ты сейчас уйдешь со мной, – он потянул ее за руку, но Дженни уперлась, не желая идти. Раум остановился, прожигая ее злым взглядом. – Детка, я сказал, что мы уходим.

Или ты пойдешь сама, своими ножками. Или я перекину тебя через плечо и отнесу, а завтра про наши игры будет судачить весь кампус.

“Он сделает это”, – с холодком в душе осознала девушка, вглядываясь в сощуренные красные глаза. Рауму всегда было плевать, что о нем говорят. Он – демон, значит выше пере-судов. Иногда ей казалось, что ди Форкалонену даже нравится эпатировать окружающих.

Но Дженни-то не демон. Она ненавидит быть мишенью для сплетен. И без того гадко, что вся академия обсуждает ее личную жизнь.

Огорошенная этими мыслями, она сделала три десятка шагов за демоном и только потом уперлась.

– погоди... Раум, что происходит?! В чем дело?

Не может же быть, чтобы вся эта дикая сцена просто из-за того, что она заговорила с Чарли!

– Чтобы я больше не видел тебя рядом с этим ничтожеством!

– Но мы просто общались...

– Мне плевать, – зло бросил он. – Если хочешь видеть щенка живым и здоровым, ты не подойдешь к нему. Ясно?

– Нет, не ясно, – Дженни ощутила, как недоумение сменяется гневом. По какому праву демон разговаривает с ней подобным образом. Она что – рабыня?!

Она выдохнула и постаралась взять себя в руки. С Раумом можно договориться, главное объяснить все ему по нормальному...

– Раум, подожди! Это важно! Чарли нашел шамана, который может снять метки изгоя. Нам нужно будет на неделю съездить в Маррейстоун...

– Вам? – со злой ухмылкой переспросил демон. – То есть: ты и он? Даже не мечтай.

– Но...

– И о Вестфилде можешь забыть.

– Что?! – она, приоткрыв рот, уставилась на своего любовника. Вестфилд? При чем тут Вестфилд?

Откуда он вообще узнал о ее планах?

– Ты – моя, – угроза в его голосе отметала любую возможность шутки, а от смысла слов становилось холодно и страшно. – И ты не сбежишь от меня на другой конец материка.

А-а-а... Это он из-за перевода так распахнулся?!

– Ты не понял! Я не собираюсь уезжать прямо сейчас. Хочу перевестись в следующем году. После окончания контракта.

Раум шагнул к ней так резко, что Дженни невольно отпрянула, со страхом поглядывая на него снизу вверх. Она только однажды видела его таким. Таким злым, безжалостным, готовым к разрушению.

Таким демоном...

Показалось, что еще слово и он перекинется, явив миру покрытого чешуей монстра, которого прятал внутри.

– Ни в следующем, ни через год. Ни в Вестфилд, ни в Маррейстоун, ни в Синие горы, – тихо и очень угрожающе выговорил он. – Я не отпущу тебя, Дженни-конфетка.

– Что... – она осеклась и стиснула кулаки. Какого вурдалака! Да что он о себе возомнил!

Наконец-то пришел гнев. Ярость вспыхнула в крови бодрящим коктейлем, прогоняя недоумение и липкий страх. Дженни набычилась и оскалилась.

– Иди в бездну, Раум! Мне не нужно твое разрешение, чтобы перевестись в Вестфилд, когда контракт закончится!

– При переводе запрашивают личностную характеристику, – демон издевательски улыбнулся. – Догадайся, Дженни-развратница, какую ты получишь, учитывая, что весь кампус в курсе нашего романа. Уж поверь, я позабочусь, чтобы на принимающей стороне узнали все

подробности. И даже если они рискнут взять тебя с такими отметками в личном деле, я сделаю все, чтобы твои документы не приняли. У меня достаточно возможностей.

В последнем она не сомневалась ни секунды. Во власти Раума было, как организовать ей быстрый и безболезненный перевод, так и превратить Дженни в персону нон-грата в любом учебном заведении империи.

Она побледнела, представив что напишут в секретариате под диктовку демона. И ведь не оспоришь. Правда, все правда до последнего слова.

Снова обрушилось пугающее ощущение беспомощности, неспособности контролировать свою жизнь. Почти такое же сильное, как в тот день, когда она сказала Чарли “нет” у алтаря.

– Ты... ты сволочь!

– Ага, – ухмылка стала шире. – И не делай вид, что ты не знала этого, сладенькая.

Знала. Знала с самого начала, но позволила себе увлечься. Обмануться привлекательной оболочкой, поверить уговорам своей звериной половины.

Прозрение было болезненным.

– Ублюдок, – выдавила она с бессильной злостью. – Оставь меня, видеть тебя не хочу!

Это было правдой. Даже волчица в душе недоуменно порывивала, не желая понимать и принимать происходящее. В одно мгновение милый, заботливый и веселый парень, в которого Дженни успела влюбиться, превратился во властного подонка, ломавшего ее жизнь по своей прихоти.

– Могу завязать тебе глаза.

Девушка ответила ему мрачным взглядом.

– Брось, – от его самоуверенной ухмылки Дженни затошнило. – Я же нравлюсь тебе, Дженни-конфетка.

– Нравился, – угрюмо отозвалась она, шагая за демоном. – До того, как десять минут назад перекинулся в полного козла.

– Это пройдет.

– Иди нахрен. Между нами все кончено, – она сделала шаг и оглянулась. Чарли медленно поднимался, опираясь о ствол дерева. На сердце отлегло – живой. Все-таки убить оборотня с одного удара надо очень постараться.

– По контракту нам еще почти пять месяцев спать в одной постели, детка, – невозмутимо напомнила беловолосая скотина. Идем, – он дернул ее за руку, принуждая следовать за собой. – Хватит пялиться на этого неудачника.

Он прав. Впереди пять месяцев в роли любовницы. Пять месяцев обязательств, плена, который еще сегодня утром казался таким восхитительно желанным и сладким.

– Куда мы идем? – угрюмо спросила она.

– Я же сказал – домой.

Домой? В особняк, который совсем недавно казался ей почти домом, а теперь в одночасье превратился в тюрьму.

– Завтра я уезжаю в Маррейстоун, – угрюмо выдавила она, кипя от бессильной ярости.

– Нет, не уезжаешь. По контракту ты не можешь покинуть округ без моего разрешения или сопровождения.

Да, там был такой пункт. Дженни не стала оспаривать его – просто не видела смысла. Она не собиралась никуда уезжать.

Девушка стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя кровавые лунки.

– Ненавижу тебя!

– О, уже прогресс. От ненависти до любви один шаг, сладенькая, – глумливо отозвался ди Форкалонен. И тут же зло одернул ее, когда Дженни попыталась обернуться. – Я сказал: забудь о Маккензи!

– Иди в задницу!

Она потащилась за демоном, поминутно оборачиваясь только затем, чтобы его позлить. С каждым шагом решение сбежать тайком в Маррейстоун крепло, пока не стало тверже алмаза.

ГЛАВА 3

Вечером Дженни отказалась от ужина и заперлась в своей комнате. Она не обманывалась: задвижка не остановит Раума, если уж он захочет войти, но от одного вида опущенного шпингалета становилось спокойнее.

На душе скреблась сразу дюжина кошек. Никогда в жизни Дженни не чувствовала себя настолько дурой. Как, ну как она могла забыть, что из себя представляет ди Форкалонен? Зачем распустила сопли, позволила себе поверить во всю эту романтическую фигню, красивый антураж?

Волчица скреблась в душе, требовала выпустить ее, нервничала, и девушка нервничала вместе с ней. Металась по комнате словно запертый в клетке зверь. Ее то охватывал сильнейший испепеляющий гнев, то звериная тоска. Полные ярости и обиды слова кипели на языке, подзуживали ворваться в соседнюю спальню и швырнуть их в лицо беловолосой скотине.

Не на кого злиться. Надо отдать демону должное: Раум никогда не обманывал ее. Но и не обещал, что сказка продлится долго.

И никто, кроме Дженни, не виноват, что ей хватило так немного, чтобы влюбиться. Она вообще влюбчивая идиотка. И все не в тех и не так...

Мысленно она пыталась отсечь себя от демона. Попрощаться. Проникнуться к нему равнодушием, с легкой ноткой ностальгии, как к Чарли.

Не получалось...

За эти короткие недели Раум отравил собой все. В каждой вещи, что ее окружали, Дженни видела незримую печать демона. Она надевала его подарки, жила в его доме, ела его еду, училась в его академии... Раум ди Форкалонен был в ее мыслях, снах, мечтах, сердце...

Это не вырежешь так просто по первому желанию. Но оставаться настолько подчиненной и уязвимой у Дженни не было ни малейшего желания.

Немного успокоившись, она взялась за постограф.

“Как ты?” – сообщение мигнуло и ушло. Ответ пришел почти сразу.

“Уже нормально. Дженни, что у тебя с ди Форкалоненом? Это правда, что вы любовники?”

Девушка горько усмехнулась. Наверное, когда Чарли разговаривал с ней днем, он еще не слышал свежих сплетен.

“Я живу у него дома. Это долгая история”

Она написала сообщение и замерла на мгновение прежде чем отправить.

Момент истины. Если Чарли после этого отвернется от нее, откажется проводить к шаману, не захочет и говорить о возвращении в клан, значит, так тому и быть.

Но он ответил.

“Я же предупреждал! Дженни, он опасен!”

“Я знаю”

О, Дженни знает это гораздо лучше Чарли. Просто до недавнего времени это ее совершенно не волновало.

Следующее сообщение заставило ее растроганно улыбнуться:

“Тебе нужна помощь?”

“Да. Завтра поговорим в академии”

– И о чем вы собрались завтра разговаривать, Дженни-уже-не-Маккензи? – раздался вкрадчивый голос со стороны двери.

Девушка вздрогнула и выронила приборчик. Она могла поклясться, что не слышала никаких звуков, но задвижка была отодвинута, а Раум стоял у двери, разделявшей их комнаты. В руке демон сжимал свой постोगраф, а в красных глазах снова горел тот же злющий огонек.

– Так я тебе и сказала, – мрачно откликнулась Дженни.

При виде ди Форкалонена утихшие было чувства вспыхнули вновь. Все сразу – ярость, тоска, жгучая обида и желание ответно задеть, уязвить. И что самое противное, придавленная ими где-то совсем в глубине души, все так же пряталась любовь к сволочному демону. И от того, что Раум теперь враг, было больно.

– Детка, я серьезно: если этот мальчишка дорог тебе, оставь его в покое, – его голос был удивительно ласковым. Напоминал мягкую кошачью лапку, в которой прячутся безжалостные когти. – Ты знаешь на что я способен, а Маккензи и так слишком часто испытывает мое терпение.

Дженни еще раз посмотрела на свой постोगраф, лежащий на ковре. Перевела взгляд на приборчик в руках демона, и ее осенило.

– Ты читаешь мою переписку?

– Умненькая девочка.

– Ты... – она захлебнулась от ярости, испытывая непреодолимое желание наброситься на него и драться, кусаться, царапаться. – Как...

– Это несложно, – любезно подсказал демон. – Достаточно добавить кое-какие заклинания в общий контур.

– Убирайся, – выдавила девушка, чувствуя, что еще минута, и она сорвется в безобразную истерику. – Пожалуйста, уйди! Меня тошнит, когда я тебя вижу!

На мгновение ей показалось, что на лице Раума мелькнула боль, а потом демон издевательски поклонился и вышел.

Зачем была нужна эта сцена вечером, Дженни поняла довольно быстро. Предупреждение. Демонстрация силы, заявление почти прямым текстом: “Я слежу за тобой, я полностью тебя контролирую. Не делай глупостей”.

Но если Раум рассчитывал таким образом заставить ее отказаться от планов, он очень сильно просчитался.

– Вэл, мне требуется твоя помощь.

– Конечно, – сильфа улыбнулась. – А что нужно?

По мере того, как девушка излагала что ей нужно, глаза сильфы распахивались все сильнее, как у нарисованных девочек в комиксах. Дженни даже испугалась, что они такими останутся.

– И никаких вопросов! – добавила она в конце. – Пожалуйста! Я все объясню потом, когда вернусь!

Все-таки Вэл настоящая подруга. И вообще удивительная – таких как она одна на миллион. Она не стала возмущаться или давать дурацкие советы. И лишних вопросов задавать тоже не стала. Просто оставила Дженни свой постोगраф и исчезла, сбежав прямо перед началом лекций.

Чуть позже приборчик мигнул и выдал сообщение от незнакомого отправителя:

“Привет, это Чарли. К чему такая секретность?”

Дженни облегченно перевела дух и вознесла хвалу Богине. Больше всего она боялась, что Чарли не примет переданную через третьи руки записку с просьбой сменить постोगраф всерьез и напишет со своего приборчика. Или еще хуже: отправится искать Дженни, чтобы поговорить лично.

Но нет – друг все сделал правильно.

“За мной следят. В постографе стоит копирующий контур и маяк. В твоём, возможно, тоже”.

Дополнительных объяснений не потребовалось.

“Ди Форкалонен?”

“Да. Попроси кого-нибудь из друзей купить два билета на дневной поезд. Я сбегу после второй лекции. Встретимся на вокзале у памятника Луцию Освободителю. Убедись, что за тобой не следят”.

“Понял. Ну блин, шпионские страсти!”

Последнее сообщение заставило её хихикнуть. Вспомнились детские игры и шалости, которые они с Чарли не раз затевали вместе. Для взрослых (да и других волчат) идеи проказ целиком принадлежали Чарли. И только они оба знали, что без рыжей подружки жоака половина задумок так и остались бы задумками.

Вэл появилась после первой пары. Сунула Дженни мешочек с золотом и пакет со сменной одеждой. Когда девушка попробовала было вернуть постограф, сильфа покачала головой.

– Оставь себе. Мне кажется, тебе он сейчас нужнее.

– Спасибо, – растроганно пробормотала Дженни.

Все-таки она богата! Куда богаче самодовольного ди Форкалонена. У неё есть родственники, которые ждут и любят. И есть настоящие, верные друзья. Это ли не самое большое сокровище?

Она порывисто обняла подругу.

– Люблю тебя, Вэл!

– Береги себя, Джен! – сильфа шмыгнула носом. – И только посмей попасть в беду! Ты так меня заинтриговала, что теперь просто обязана вернуться, чтобы рассказать мне все.

– Я вернусь.

Переделась она в туалете. Сняла все, даже туфли – на любой вещи мог стоять маяк. Передевшись в простенькое хлопковое белье и скучное грязно-серое платье с воротничком под горло, Дженни почувствовала себя свободнее. Купленные Раумом вещи словно привязывали её к демону незримыми нитями.

Сумку от Роберто ла Костена тоже пришлось оставить в туалете – на ней мог быть маяк. Из всех вещей Дженни прихватила с собой только мешочек с золотом и постограф Вэл.

Она покинула академию под звук гонга, призывающего ко второй паре. Незаметно выскользнула через пожарный выход и понеслась через парк к неприметной калитке, за которой уже ждало заранее вызванное такси.

ГЛАВА 4

Путешествие на поезде получилось очень милым. Кроме них с Чарли в купе была только словоохотливая пожилая леди, направлявшаяся погостить к дочери. Мысленно Дженни не раз поблагодарила Богиню за такое соседство – в присутствии посторонней женщины Чарли не рисковал задавать неудобные вопросы, поэтому они всю дорогу молчали или болтали о всякой ерунде. Совсем как раньше. Если бы не ожидание пакостей от демона, Дженни получила бы от путешествия настоящее удовольствие.

Особенно страшно было отсчитывать минуты до отправления поезда. Она до последнего опасалась, что Раум ворвется на вокзал и вытащит ее из вагона. Обошлось.

Не подждал демон и на конечной станции. Они беспрепятственно сошли с поезда и арендовали машину – развалюху “Баньши”, почти ровесницу Дженни. Несмотря на поздний час, задерживаться в городе не стали – девушка слишком нервничала, опасаясь погони. Что-то подсказывало, что Раум не отпустит ее так просто.

В сумерках вечерняя трасса походила на черную ковровую дорожку, расстеленную среди холмистых предгорий.

– Что у тебя с ди Форкалоненом? – ревниво спросил Чарли, как только они выехали из города.

Дженни вздохнула. Начинается. Вот кто бы сомневался, что Чарли не оставит так просто эту тему.

– Контракт, – ответила она, не вдаваясь в подробности. – Он очень помог мне, когда ты... когда я стала изгоем.

Чарли побледнел и отвел глаза.

– Почему? – выдавил он. – Почему ты не дождалась? Я же обещал, что поговорю с отцом! Я сразу уехал, на следующий день! Чтоб меня шакалы сожрали, Дженни! – взорвался он, переходя на крик. – Неужели нельзя было чуть-чуть подождать?!

– Я не хочу говорить об этом.

Но оборотня уже несло.

– Что, быть подстилкой демона лучше, чем моей женой? Да, Дженни?! Ты ради этого отказалась от брака и стала изгоем?! Я потерял право называться наследником ради того, чтобы ты ублажала ди Форкалонена?!

Он стиснул руль и машина рискованно вильнула.

– Заткнись и следи за дорогой! – прорычала Дженни. Ей снова невыносимо захотелось огреть друга детства чем-нибудь потяжелее. – Еще слово, Чарльз Маккензи, и я откажусь от твоей помощи.

Она не шутила. Злости, которую испытывала Дженни, вполне хватило бы, чтобы выйти из машины прямо сейчас – посреди безлюдной трассы и попробовать добраться к шаману самостоятельно.

Чарли это понял. Не зря они общались столько лет. Оборотень медленно выдохнул сквозь зубы и снизил скорость. И правильно: старушка-“Баньши” визжала и стонала, угрожая вот-вот рассыпаться.

– Почему, Дженни? – с тихой горечью спросил он. – Почему он?

– У меня не было выхода, – угрюмо ответила девушка. – И я действительно не хочу обсуждать это.

Он замолчал, но былой легкости, иллюзии, что все как раньше, уже не осталось. Недосказанность повисла темным облаком. Укоризненное молчание оборотня ужасно раздражало. Дженни не обязана оправдываться перед Чарли и неважно, что он там себе надумал!

И все же от того, что друг поверил, будто она просто нашла покровителя, который согласился оплачивать ее счета в обмен на секс, на душе было горько. Когда Вэл задавала вопросы, что у них с Раумом, Дженни тоже не вдавалась в детали, но подруга не стала думать о ней хуже или говорить гадости в лицо.

От обиды она даже передумала расспрашивать Чарли о методах контроля своего волка. Хоть и собиралась. Нет уж: и безо всяких любителей судить не разобравшись обойдется! У шамана спросит – кто еще должен понимать в таких вещах, если не Говорящая-с-Луной?

Было уже за полночь, когда они добрались до развилки. От федеральной трассы отходила узкая дорога, в горы. “Земли клана Маккуин, 50 миль” извещала надпись на указателе.

Мотель “Последний приют” на развилке оправдывал свое название. Дальше были только горы.

– Ничейной земли там много, – рассуждал хозяин мотеля, готовя постояльцам ужин. – Да только селиться народец не спешит. Необжитые места и трясет сильно. Красный великан дремлет чутко, то и дело поплеывает дымком. Проснется и поминай с музыкой. Давеча к нам даже имперская комиссия приезжала. Замеряли что-то, считали. Вышло, что поставить чары, чтобы держать вулкан, надо сотню лучших магов приглашать. Не-ра-цио-наль-но!

– А как же волки? – спросила Дженни.

Если память ее не подводит, клан Маккуин жил в горах Маррейстоун уже сотни, если не тысячи лет.

– Так то волки. У них шаман есть, – мужчина завистливо вздохнул, заставив Дженни улыбнуться. Наивная вера в силы шамана была такой трогательной, что девушка не стала разбивать ее.

На самом деле шаман – это маг-недоучка. Ему уж точно не по зубам то, на что нужны силы сотни дипломированных специалистов по стационарным чарам. А долина Маккуин, скорее всего, просто находится в более сейсмоустойчивой местности, дальше от вулканов.

Чарли в ее беседу с хозяином не лез – все еще дулся после отповеди. Да Дженни и сама не хотела с ним разговаривать.

Неловкость, рожденная вчерашней ссорой, никуда не делась и на следующий день. После завтрака они в угрюмом молчании погрузились в машину и свернули с трассы. А потом Дженни стало не до обид. Предчувствие встречи с чем-то очень важным, значимым заставило ее позабыть о размолвке. Девушка жадно вглядывалась в проплывающие за окном горы, вслушивалась в шепот камня и пыталась понять почему эта местность кажется такой знакомой, почти родной.

Дорога извивалась змеей на теле горы, уводя вверх. В опущенное окно врвался запах хвои, прелой листвы и сырого камня. Дженни, почти высунув наружу голову, замороженно разглядывала красный, словно облитые закатными лучами склон по ту сторону каньона. Где-то далеко на дне шумела река.

Странно. Она готова была поклясться, что никогда не ступала на глинистую землю Маррейстоуна, не видела этого разлома, подобного свежей ране на теле земли. Но зрелище багряных и белых обрывистых скал в брызгах водопадов будило в душе странное чувство узнавания. Словно Дженни вернулась домой после долгих лет отсутствия. Порой ей казалось, что она помнит, что ждет их за очередным поворотом – скала, нависшая козырьком над пропастью, пешеходный мостик или площадка, на которой можно припарковаться, чтобы выйти, окинуть взглядом этот завораживающе суровый и прекрасный край.

И когда дорога сворачивала, открывая вид на скалу, мостик или площадку, Дженни вздрагивала и щипала себя за руку. Что это? Сон? Удача? Интуиция?

Она никогда не видела знаменитых горячих источников даже на снимках, но знала, как они должны выглядеть. В воображении сами собой вставали белоснежные травертины, уходя-

щие вверх по склону, плюющийся паром гейзер и скрытое в кальдере озеро, воды которого отливают всеми цветами радуги.

Дженни всегда любила горы. Она полжизни провела в горах. В Синих горах, на землях Маккензи. Но эти горы были иными... Не спящими, живыми. Дженни слышала тихий шепот камня, чувствовала, как под багряной плотью скал течет и струится, ищет выхода кипящая вода. А где-то еще ниже, совсем глубоко в недрах дремлет раскаленная лава – кровь земли...

Эти горы были... Домом?

“Мне здесь нравится, – поняла она, снова втягивая запах осеннего леса, сырой почвы и сернистой воды. – Моя земля”.

Вот так: моя земля и все. И плевать, что она никогда не жила в этих местах.

– Закрыла бы ты окно, – Чарли поморщился и переключил передачу. – Воняет же!

Дженни послушалась со вздохом.

– Далеко еще?

– Примерно полчаса. А потом около двух часов пешком в гору – эта колымага не осилит подъем, там крутой склон и плохая дорога. Справишься?

Она фыркнула. Чего тут справляться-то? Чай не старуха и не калека. Два часа пешком в гору – отличная прогулка.

Дорога резко пошла вверх, и двигатель автомобиля взревел от натуги, штурмуя очередную склон. Дженни даже испугалась, что старушке-”Баньши” не хватит мощи, но машина мужественно преодолела последние ярды и на совсем черепашьей скорости взобралась на вершину перевала.

– Привет, детка. Что-то вы долго.

Ярко-красная “Мантикора” стояла поперек трассы, полностью перекрывая дорогу. Раум ди Форкалонен с зажженной сигарой в руках опирался о лакированный бок и зло щурил глаза.

Тоскливое предчувствие потери ударило под дых, кожу продрало обреченным холодком. Дженни вцепилась в панель перед собой. Ей хотелось кричать от несправедливости происходящего.

Как же так! У них же почти получилось! Оставалось совсем немного...

Раум широко улыбнулся.

– Ну же, детка, – голос демона звучал ласково, даже задушевно, но за этой притворной лаской таилась жуть. – Иди к папочке.

Дженни молчала.

– Или папочке придется обидеть щеночка, – просюсюкал беловолосый все с теми же дебильными интонациями. Словно разговаривал с ребенком или умственно отсталым. – А папочке да-а-авно этого хочется.

Негнушмиися руками Дженни отстегнула ремень безопасности и потянулась к двери.

– Дженни, – вскинулся было оборотень рядом. – Подожди! Ты что же – пойдешь к нему?

Девушка усмехнулась. Можно подумать, есть выбор. Если она сейчас не выйдет, демон сам ее вытащит, предварительно отыгравшись на Чарли за ее побег. А Дженни не простит себе, если кто-то из ее друзей пострадает по ее вине.

– Дженни, подожди! Я разберусь с ним!

– Сиди, Чарли, – устало ответила девушка.

Она подхватила сумку и шагнула из машины навстречу демону.

– Умничка, – пробормотал Раум. Его пальцы с такой силой впились в ее руку чуть повыше локтя, что Дженни еле удержалась от крика. – А теперь быстро в машину, непослушная девочка. О твоём поведении поговорим позже.

Она подчинилась. Хлопнула дверь. “Мантикора” взревела движителем, непостижимым образом умудрившись развернуться на дороге, где с одной стороны возвышалась скала, а с другой начиналась пропасть, и рванула вниз по склону, едва не зацепив старушку-”Баньши”.

Несколько минут в кабине стояла предгрозовая тишина. Дорога то и дело расплывалась, приходилось моргать и тереть глаза. Горы Маррейстоуна глядели в спину с недоумением – ну что же ты, волчица? Почти ведь добралась. Куда ты?

Чувство утраты было таким острым, что Дженни рискнула нарушить молчание.

– Раум, пожалуйста! Мы же почти доехали до шамана! Отпусти меня, я только сниму клеймо и вернусь к тебе. Буду с тобой эти пять месяцев, как и обещала...

– Хорошая попытка, Дженни-беглянка, – демон оскалился и Дженни почти физически ощутила клокодавную в нем ярость. – Пожалуй, я даже готов пойти навстречу.

– Правда? – она с надеждой взглянула на него. Может, еще получится все исправить?

– Конечно, детка. Но компромисс – вещь взаимная. Ты тоже должна кое в чем уступить.

– В чем?

Он подарил Дженни пристальный взгляд.

– Ты знаешь чего я хочу от тебя детка. Мне надоели детсадовские обнимашки.

Кто бы сомневался! Ну конечно!

– Я не буду с тобой спать.

Демон издевательски пожал плечами.

– Значит, ты не так уж сильно хочешь снять это клеймо, Дженни-изгой.

От ярости потемнело в глазах, даже дышать трудно стало. Захотелось затопать ногами, завизжать. Дженни стиснула кулаки, зажмурилась и на мгновение пожелала стереть с лица земли Раума ди Форкалонена вместе с его поганой красной “Мантикорой”.

И горы откликнулись. Где-то в глубине глухо зарокотало, дорога задрожала, мелкие камушки застучали по опущенной крыше, по капоту. Раум громко выругался и вцепился в руль, удерживая автомобиль на трассе. Дженни испуганно ойкнула и распахнула глаза.

– Что... что это было?

– Подземный толчок, – демон снова выругался. – Надо выбираться отсюда поскорее, детка...

Его слова потонули в грохоте. Прямо перед носом автомобиля на дорогу рухнула каменюка размером с дом, Раум ударил по тормозам и рефлекторно вывернул руль, пытаясь уйти от неизбежного столкновения.

“Мантикора” проломила ограждение и полетела в пропасть.

Полторы секунды – много ли это?

Мало.

И много, просто невероятно много, когда летишь навстречу смерти.

Раум успел вырвать из приборной панели ключ-камень, впихнуть его в руку Дженни и швырнуть активирующий импульс. Полыхнуло серебристое сияние, окутывая девушку абсолютным щитом.

Он даже успел отстегнуть ремень безопасности. А вот поднять крышу и сменить облик уже нет.

“Мантикора” рухнула на камни. Треск ломающихся костей показался демону оглушительным, затмив даже звук удара. Вселенная вывернулась наизнанку в приступе ослепительной невозможной боли. И погасла.

Под громкий женский визг машина покатила по склону вниз, громящая, как смятая жестяная банка.

ГЛАВА 5

Полет прервался почти у самой реки. Изувеченный остов того, что еще минуту назад было стильным новеньким авто, налетел на скалу и замер.

Мир перестал вращаться. Внезапно стало тихо. Ни треска, ни грохота, ни скрежета. Только раздраженное гудение движителя и шум воды от реки.

Дженни со стоном пошевелилась, изумляясь тому, что она еще жива, и, кажется, даже ничего не болит. Как такое может быть?

Машина лежала на боку, а Дженни, подвешенная на ремнях безопасности, болталась в люльке кресла. Окно прямо перед глазами ветвилось паутиной трещин. Удивительно, что не вылетело.

Что это было? Она действительно вызвала обвал, швырнувший их в пропасть? Но разве такое под силу недоучке-второкурснице? И... она ведь не использовала никаких схем, плетений. Просто очень-очень разозлилась на Раума за то, что он увозит ее отсюда силой...

Болела рука – что-то впивалось в ладонь. Разжать судорожно стиснутые пальцы удалось не с первого раза. Девушка недоуменно уставилась на ключ-камень, с брелоком. Очень знакомым брелоком в форме человеческой головы в обрамлении львиной гривы. Рельефный контур отпечатался на коже.

Перед глазами заплясал дурацкий стишок с рекламного билборда производителя “Ман-тикоры”.

Щит от “Мотор-Хтоник-Ланс”

Это ваш последний шанс.

Предмет гордости пиарщиков, часть “самой совершенной современной системы безопасности” – одноразовый абсолютный щит, призванный сбереечь владельца авто хоть в эпицентре взрыва, хоть в жерле вулкана.

Но когда Дженни успела схватить его? И разве активатор щита не настроен на владельца авто? А Раум...

Она перевела взгляд ниже, туда, где находилось сиденье водителя, и еле сдержала крик.

Если Дженни закрыл щит, то демону досталось по полной. Зажатое между сплюсненной крышей и приборной панелью окровавленное тело мало напоминало блистательного и наглого наследника ди Форкалоненов. Скорее уж оно походило на сломанную куклу, небрежно брошенную в угол.

От мысли, что он быть может мертв, стало страшно.

– Раум, – прошептала Дженни одними губами.

Он не ответил.

– Раум... ты как?

Дурной вопрос. Идиотский, дебильный! Даже отсюда видно, что у него сломана рука, а из проломленного черепа уже натекла лужица крови.

Но... он ведь не может погибнуть, правда? Он же высший демон – сын самой сильной, почти неуязвимой расы, живая машина смерти. Демоны же не умирают от такой ерунды?!

– Раум, ты жив?

Тишина. Дженни всхлипнула от ужаса.

Надо что-то делать. Для начала – вытащить его, перевязать, вызвать помощь... Она попыталась открыть смятую дверь, прикидывая, как бы поаккуратнее опустить машину снова на колеса.

Аккуратнее не получилось. Стоило Дженни пошевелиться и перенести вес, как неустойчиво стоящая на боку “Мантикора” жалобно скрипнула и рухнула на брюхо. С соседнего кресла донесся стон.

– Живой, – облегченно выдохнула девушка. Отстегнула ремень и снова попыталась открыть дверь, но искореженный металл ни в какую не желал поддаваться.

– Открывайся!

Она зарычала от злости, уперлась спиной в кресло и резко ударила сразу двумя ногами. Дверь вылетела, как пробка из бутылки с игристым. Смятый кусок металла пролетел почти двадцать футов прежде, чем встретился со скалой.

“Надо же, я и так могу!” – между делом подумала Дженни. И тут же забыла об этом, потому что тихое урчание движителя перешло в рычание и до нее, наконец, дошло, что не так в этом звуке.

Ключ-камень от автомобиля в ее руках, и “Мантикора” должна молчать.

Но она не молчала. Напротив, рев становился все более раздраженным и громким. А это значит...

Значит, что поврежден контур заклинания, удерживающий душу хтонической твари внутри авто. Значит, лишь вопрос времени, как скоро плененная мантикора вырвется на свободу, чтобы вспыхнуть и сгореть в испепеляющем пламени.

Страх противно охлаждал живот, но паники не было. Напротив: Дженни соображала ясно и четко, как никогда в жизни. Правая половина машины была в относительной целостности – ее сохранил щит, а вот левая представляла собой зрелище страшное и жалкое. Смятый и сплюснутый кусок металла напоминал жестяную банку, небрежно брошенную в урну. Крыша пострадала меньше, но подъемный механизм тоже заклинило. Единственным выходом оставалась выломанная Дженни дверь и уходить нужно через нее. Быстрее, пока контур еще сдерживает душу хтонической твари.

Девушка подползла к водительскому креслу. При взгляде на Раума, захотелось разрыдаться от ужаса и бессилия.

Нельзя! Если она начнет сейчас психовать и плакать, они оба погибнут.

Чтобы заткнуть подступающую истерику Дженни ударила кулаком по лобовому стеклу. Магически закаленное стекло разлетелось прозрачной крошкой похожей на мелко колотый лед, а костяшки пальцев противно занули. И мантикора взревела громче.

Легче не стало, но боль помогла собраться. Отодвинуть в сторону скулящую от ужаса Дженни-неумеху, приглушить эмоции, забыть о том, что этот окровавленный изувеченный мужчина – ее Раум.

Просто есть задача и ее нужно выполнить.

Так, у него сломана рука, проломлен череп. Наверняка это не единственные повреждения, есть еще переломы и внутренние травмы. Двигать пациента в таком состоянии категорически не рекомендуется, но выхода нет.

– Потерпи, пожалуйста, – пробормотала она.

Демон отозвался еще одним коротким стоном. Он был невероятно бледен, словно в одно мгновение лишился всех красок, превратился в рисунок углем на листе бумаги. На лбу выступила испарина, капли крови стекали по белым волосам. Красное на белом...

И он оказался просто страшно, неподъемно тяжелым. Дженни ругалась, тащила его и всхлипывала. От страха, что он сейчас умрет у нее на руках. От страха перед мантикорой, чей раздраженный рев становился все громче, уже заглушая шум воды от реки.

Ей удалось подтянуть его к выходу, когда Раум открыл глаза. Налитые кровью белки в сетке лопнувших сосудов и огромные – во всю радужку – зрачки. Белые губы дрогнули, шевельнулись.

– Оставь меня, – тихо, но отчетливо приказал демон.

Дженни оскалилась.

– Не дождешься, – прорычала она и потянула его к выходу. – Что же ты тяжелый такой?!

А посмотришь – кожа да кости!

Почувствовав, что добыча ускользает, мантикора обиженно взвыла. Над искореженным капотом рассыпались яркие искры, воздух запахом горячим металлом.

– Дура! Сейчас рванет...

– Сам дурак! Придурок, какой же ты законченный придурок, ди Форкалонен, – всхлинула она, выволакивая его из машины. – Ненавижу тебя, гад, сукин сын, сволочь, эгоист! Ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу... – девушка осеклась и замолчала, сберегая дыхание.

Шаг, еще шаг. Остановиться и отдышаться нет времени, надо бежать! Надо пятиться под треск разлетающегося заклинания и рев хтонической твари. Пока мантикора еще связана, пока она в плену магических пут. Надо тянуть за собой изломанное тяжеленное тело и стараться не смотреть на кровь, которая уже заляпала всю юбку, стараться не думать, что каждый шаг может стать для них последним...

Двадцать пять футов до скалы показали двадцатью пятью милями. Только когда красный с белыми прожилками камень закрыл от них остов изувеченной машины, Дженни выдохнула и выпустила свою ношу.

– Вот видишь, – Дженни всхлинула и медленно сползла на землю – ноги не держали. – А ты говорил бросить.

Кровь уже почти не текла, но при взгляде на снежно-белые пряди в алых каплях и страшную почти черную корку вокруг раны в душе начинал ворочаться тоскливый ужас и предчувствие катастрофы.

– Зря... – демон снова открыл глаза. Его голос звучал тихо и сдавленно. – Я все равно подохну, детка.

– Не говори ерунды!

– У меня сломан позвоночник и фарш в кишках, – Раум улыбнулся – болезненно, криво. – Даже демоны без медицинской помощи после такого не выживают. Я уже труп.

В крови вспыхнул невозможный ужас пополам с яростным протестом. Нет! Раум не может умереть! Он же... Он такой сильный, непробиваемый, наглый, приставучий – не отвяжешься, всегда знающий что делать, умеющий повернуть все в свою пользу...

И он обещал сводить Дженни в зоопарк хтонических тварей! И на яхте они снова собирались покататься! И... и...

И он ее пара! Он нужен ей!

Мысль об автомобильной аптечке заставила подскочить и высунуться из укрытия. Защитный контур пылал, рассыпался фонтаном алых искр, отживая последние минуты, но пока держался. Еще можно успеть...

– Дженни! Куда ты!

Она не стала тратить время на ответ. Не стала даже взвешивать этот безумный шаг, чувствуя, что стоит задуматься, и не сможет. Струсит, не решится.

И никогда не простит себе, если Раум умрет у нее на руках.

Это был самый стремительный забег в жизни Дженни. Она ужом ввинтилась в изуродованный автомобиль, рванула на себя дверцу бардачка – та не поддалась, заклинившая и смятая. От жара плавилось раскрошенное стекло, горячий воздух обжигал кожу. Где-то над ухом ликующе редела мантикора, радуясь, что прихватит с собой одного из своих мучителей, а Дженни ругалась, дергала ручку и плакала, не в силах уйти.

“Помоги мне!” – взмолилась она, сама не зная к кому обращается. К Богине? К Луне? К своей волчице?

Ответа не было, но пальцы налились могучей силой. Дженни пробила дерево и рванула на себя дверцу, выдирая вместе с болтами, на которых та держалась. Схватила аптечку и кувырком выкатилась из машины, готовой вот-вот стать погребальным костром. И в три нечеловечески огромных прыжка оказалась у скалы.

Успела!

И земля содрогнулась. Ослепительная оранжево-красная вспышка заставила зажмуриться, тело окатило волной иссушающего жара. За скалой, в языках адского пламени плясала и бесновалась мантикора – убитая и плененная после смерти, она праздновала свободу, выжигая все вокруг себя. Дженни съежилась, прижимаясь к прохладному боку камня, и взмолилась, чтобы оставшегося в убитой, но не убиенной твари силы не хватило, чтобы добраться до них.

Три минуты. Раскалившийся воздух обжигает лицо, словно совсем рядом огромная печь для плавки металла. Даже скала под боком нагрелась и чуть потрескивает.

Пять минут. Трудно дышать – тварь сожрала весь воздух. Если бы не холодное дыхание реки, они оба испеклись бы, словно пирожки в духовке.

Семь минут. Сколько же в ней силы?! Неужели это никогда не кончится?!

Но ярость, даже если это ярость мантикоры, не безгранична. За скалой прощально полыхнуло, в небе вспыхнул огненный абрис – крылатое существо с головой человека, львиным телом и хвостом скорпиона оскалилось и растаяло в воздухе.

Стало тихо. Только плеск воды о камни.

ГЛАВА 6

От боли мутилось сознание. Мир то расплывался, то вновь собирался в нереально четкую картинку. Раум, как все дети высшей расы, умел отключать боль, но сейчас ее было слишком много. И она возвращалась, словно наглый попрошайка, которого сколько ни гони, не отвяжется.

Боль несла за собой беспамятство и бред. В этом бреде Раум плыл по багровой, как камни Маррейстоуна, реке полной жидкого огня. То погружался в нее, падая в блаженную тьму и беспамятство, то выныривал на поверхность.

Стоило бы все отпустить, отдаться огню, вспыхнуть и сгореть. Но какая-то мысль свербила, не позволяла сдаться, заставляла бороться, из последних сил, цепляясь за ускользящую реальность.

– Раум, ты меня слышишь?

Девичий голос, в котором звенели слезы, разорвал подступившую было снова пелену забытья. Смоченная водой тряпица коснулась лба. Она была восхитительно прохладной.

– Дженни...

Демон фокусировал взгляд. Встревоженное лицо зависло над ним. В зеленых глазах стояли непролитые слезы, но губы были упрямо сжаты. И в руке она сжимала... шприц?

Вот зачем этой сумасшедшей потребовалось возвращаться к машине. Раум чуть с ума не сошел, когда понял, что Дженни побежала к авто, которое вот-вот рванет. Он даже пытался ползти за ней, но потерял сознание.

– Раум! Сколько доз регенератора у тебя в аптечке?

– Две... – он скривился. – А, нет... Одна... Вторую я вколол тебе. Помнишь?

Одна доза – слишком мало в его случае. Только продлит агонию. Даже изумительных способностей демона к самоисцелению, помноженных на действие лекарства, не хватит, чтобы срastить сломанный позвоночник.

Тонкие пальцы с отчаянной силой вцепились в его плечи.

– Почему так мало?! В аптечке должно быть пять!

– Давно... не обновлял.

Он два с половиной года не вспоминал об аптечке. С того дня, как купил машину. Заботится о комплектности медикаментов? Зачем? Если что-то способно навредить высшему демону, регенератор и пластырь все равно не помогут.

Дженни часто заморгала, словно пытаясь отогнать слезы, а потом помотала головой.

– Ладно, – сквозь зубы прошипела она, вонзая шприц чуть выше ключицы. – Хотя бы это...

После регенератора в ход пошел анестетик, и раскаленная река боли чуть отступила, вынесла Раума на берег под хмурое осеннее небо.

Он лежал на камнях, рядом действительно бурлила река, полная не лавы, а холодной горной воды.

– Не поможет, – это получилось так тихо, что он сам едва услышал свой голос. – Я все равно уже труп.

Смерть была рядом. Ждала где-то в конце сплава по извилистой алой реке. Раум слышал ее тяжелое дыхание сквозь биение крови.

– Не говори ерунды, – Дженни забористо выругалась. Наверное, это прозвучало бы даже убедительно, если бы ее голос не дрожал.

– Ты знаешь, что я прав.

Он сфокусировал взгляд на ее лице, стараясь запомнить каждую веснушку, каждую милую черточку. Гнев, за которым прячется страх, в упрямо сощуренных глазах. Налипшая на лоб темно-рыжая прядка. Лучше бы она улыбалась... Но и такой – насупленной, злой, испуганной – она была прекрасна.

Сквозь жар и марево бреда Раум улавливал обрывки ее эмоций и этого хватило, чтобы понять, каким идиотом он был с ней, и какими беспочвенными и глупыми были его страхи.

Обидно умирать молодым...

– Ты отдал мне щит?! – прерывающимся от слез голосом спросила девушка.

Демон утвердительно прикрыл глаза.

– Почему?

Потому что она – маленькая и слабая. Если у Раума был шанс выжить после такого падения, то у рыжей – точно нет. Она же почти человек, а люди – такие хрупкие создания...

Нет, в тот момент он не думал об этом. Не было времени действовать как обычно: все взвесить и обдумать, просчитать риски, принять максимально выгодное решение. Он действовал на инстинктах. Защищал самое важное.

Потому что жизнь без Дженни – не имеет вкуса и смысла.

– Просто... – он попытался улыбнуться, но очередная вспышка боли превратила улыбку в гримасу. – Тебе нужнее.

Дерьмово так подохнуть – погибнув даже не в драке с равным, просто в нелепой катастрофе. Но хорошо, что с рыжей все в порядке.

– Прости меня, – тихо сказал он.

– За что? – Дженни сняла с его лба тряпицу, отжала и снова смочила. Холодная влажная ткань легла на лоб. Хорошо...

– За то, что удерживал рядом. Что пытался увезти силой. Я не хотел, чтобы тебе сняли клеймо изгоя... думал, что тогда ты уйдешь.

– Я собиралась вернуться, – возразил дрожащий девичий голос. Раум попробовал покачать головой, но это действие отозвалось новой вспышкой боли, чуть было не швырнувшей его на середину багряной реки.

– Ты все равно... сбежала бы... – он со свистом втянул воздух, – в Вестфилд...

– Я бы осталась с тобой до конца контракта!

– До конца... контракта. А я хотел... просто до конца. Прости, маленькая, – впервые в жизни признаваться в своих настоящих чувствах было несложно и нестрашно. – Ты правильно сказала: я дурак. Боялся, что ты поймешь насколько нужна мне. Пытался привязать...

Почему только сейчас, на пороге смерти, становится ясно, что действительно было важным в его дерьмовой жизни?

– Я не должен был... так. С тобой нельзя силой, я знаю. Просто я очень испугался потерять тебя, Дженни-конфетка. Не знал, как буду жить без тебя...

Девушка всхлипнула.

– Прости... Я эгоист, Джен. Но ты и так это знала. Все демоны эгоисты.

Она склонилась над ним. Несколько горячих капель сорвались и упали на лицо. Чужое отчаяние отвратительно на вкус...

Неожиданная мысль заставила его выругаться сквозь зубы.

– Я ведь даже тебя в завещание не внес! Идиот!

А это значит, что Дженни не получит ничего. Мать пинками выставит ее из особняка, хорошо если подарки не отберет. А ей нужны деньги на учебу...

– Найди мне карандаш и бумагу, – приказал он, стараясь сосредоточиться.

Так, пальцы работают. Он сможет написать письмо Армеллину. Что бы ни случилось между ними раньше, кузен не откажет в такой просьбе. Раум сам бы не отказал.

– Точно идиот! – всхлипнула девушка над его головой. – Дурак, придурок, сволочь, демонья хренов! Помирать он собрался?! Так я тебе и позволю!

Маленький кулачок с размаху ударил о камень, и Дженни зашипела – то ли от злости, то ли от боли.

– Это... не в твоей власти, – преодолевая слабость, он поднял руку, чтобы стереть слезы с ее щеки. – Бумагу, Джен.

Признание оглушило.

Дженни вглядывалась в бледное лицо мужчины, дарованного ей Луной, а в ушах еще звучали его слова: “До конца контракта. А я хотел просто до конца. Не знал, как буду жить без тебя”.

Какой же слепой она была! Его внимание и ошеломительно дорогие подарки. Постоянное присутствие рядом и готовность всегда и везде решать ее проблемы. Забота и полное отсутствие других женщин рядом, несмотря на оговоренное в контракте “право налево”.

Раум ее... любит?

А это значит... значит...

Ничего не значит, потому что он умрет здесь, у нее на руках, так и не успев стать ее мужем. Умрет, потому что она в своем идиотском упрямстве и гордыне не захотела увидеть очевидного пока ее не ткнули в это носом.

И потому что она его убила.

От этой мысли стало так плохо, что захотелось перекинуться зверем и завывать – тоскливо, безнадежно.

– Бумагу, Джен, – пальцы, раньше полные опасной силы, а теперь холодные и бледные, коснулись ее щеки, стирая слезы, и Дженни поняла, что уже давно плачет.

Она замотала головой, еле удерживая рыдания.

– Детка, – в слабом от боли голосе прорезались знакомые раздраженные нотки. – Обезболивающего надолго не хватит. Меня вырубит самое большее через десять минут.

Она вздрогнула, зацепившись за эти слова и посмотрела на него, как будто видела в первый раз.

Пробит череп – волосы на затылке спеклись в кровавую рану. Скорее всего, сотрясение мозга. Сломана левая рука – от этого не умирают. Сломан позвоночник, но современные лекари и не такое лечат. Тем более, демоны вообще живучая раса с невероятной способностью к регенерации.

Хуже всего – внутренние повреждения. Дженни даже примерно не может определить их серьезность. Сам Раум оценивает их, как смертельные, но он может ошибаться...

– Сколько... – голос прервался, но она сжала кулаки и закончила, – Сколько осталось?

Он верно понял вопрос.

– Часа три-четыре. Может, пять. Если бы не регенератор, я бы уже отчалил, а так придется задержаться.

Демона очень трудно убить. Будь у Раума полная аптечка, он получил бы несколько дней форы в этой гонке взапуски со смертью. Будь у Дженни постограф, она бы вызвала спасателей. Социальные службы в любом случае придут, чтобы разобрать завал, но когда это будет?

У Раума нет времени.

Мысли металась в поисках выхода, как мышь по лабиринту. Нет, это не может закончиться вот так – глупо, неправильно, по ее вине. Раум не умрет из-за ее глупости.

Дженни должна его спасти!

– Детка, хватит рыдать. Я сейчас держусь только потому что мне нужно оставить это долбанное письмо! Так что не тупи – найди мне что-нибудь, на чем можно писать.

Мысль, блуждавшая где-то в закоулках сознания, вырвалась. Вспыхнула подобно магическому светильнику, подарив Дженни надежду.

– У меня нет бумаги, – спокойно и твердо произнесла Дженни. – А если бы и была, я бы тебе ее не дала.

Она склонилась и коснулась губами его губ.

– Дождись меня! Я приведу помощь.

– Детка, – в его глазах вспыхнули страх и мольба. – Не глупи! Ты не успеешь. Останься... Посиди со мной... до конца! Пожалуйста.

Он произнес это так тихо и с такой тоской, что Дженни чуть было не разрыдалась. И почти усомнилась в принятом решении.

Что, если она действительно не успеет? Оставит его здесь, умирать в одиночестве, уйдет не попрощавшись, потому что прощаться – дурная примета.

– Здесь всего несколько десятков миль до жилья. , – она погладила его по щеке. – Я приведу спасателей. Дождись меня, Раум. Выживи, и я отдамся тебе. Стану твоей любовницей, девушкой, подругой, женой. Кем сам захочешь.

Она встала. И почти бегом, не оглядываясь, чтобы не усомниться в правильности принятого решения, направилась к обрывистой стене каньона.

ГЛАВА 7

Шершавый камень обдирал ладони, сырой и чуть затхлый запах щекотал ноздри. Распластавшись подобно ящерице по стене, Дженни ползла вверх.

Подъем по отвесной скале без страховки выбил из разума все лишние мысли. Не осталось места для страха и нестерпимого чувства вины. Все силы уходили на то, чтобы верно выбрать выемку, куда поставить ногу, или камушек, который не вылетит, если за него ухватиться.

Она молодец, что догадалась подвязать юбку перед восхождением.

Дженни уже делала это раньше, в Синих горах. Но тогда рядом был Чарли. Страховал, придерживая второй конец троса, и Дженни знала, что, даже если сорвется, ничего страшного не случится. Повисит в воздухе, болтая ногами, потом друг стравит веревку и плавно опустит ее на землю.

Ползти не так сложно, если умеешь. Вскинуть руку, нащупывая в теле скалы трещину или выступ. Подтянуться. Поднять ногу в поисках опоры. Перенести вес. Снова вскинуть руку.

Главное: не смотреть на багряные на разломе скалы внизу. И не думать о том, что случится, если Дженни все же совершит ошибку и сорвется.

Она ошибалась дважды. Первый раз в самом начале: когда ухватилась за такой надежный с виду булыжник, торчащий из тела скалы. Булыжник на проверку оказался слежавшимся комом земли, а Дженни уже успела перенести вес.

Хорошо, что лететь было недалеко.

Вторая ошибка могла стать фатальной. Когда нога соскользнула по ненадежной опоре, и девушка повисла на руках на высоте почти два десятка футов, она уже думала, что все.

Несколько жутких мгновений над пропастью, пока ноги бесполезно скребут, в поисках хоть какой-то опоры. Дженни успела мысленно попрощаться со всеми, кого любила и попросить прощения у Раума за то, что не послушалась его.

А потом нога нащупала трещину, и Дженни замерла, вжимаясь всем телом в красный камень. Смерть прошла мимо, обдав шею ледяным дыханием.

Подъем закончился внезапно. Вскинутая рука наткнулась на пустоту. Дженни подняла голову и увидела перед собой дорогу, по правую руку перекрытую грудой камней. Она подтянулась и вывалилась на асфальт, глотая воздух, как ныряльщик, вернувшийся из темных морских глубин. По телу пробегала болезненная дрожь, исцарапанные пальцы сводило судорогой, а сердце громко колотило и бухало в груди.

Нет времени лежать и страдать!

Дженни одним рывком привела себя в вертикальное положение и принялась раздеваться.

– Дженни!

Бесполезно. Она ушла...

Бросила.

Но эта клятва...

“Выживи, и я отдамся тебе. Стану твоей любовницей, девушкой, подругой, женой...”

“Выживу, Дженни-конфетка, – пообещал Раум, закрывая глаза. – Ты стоишь этого”.

Действие обезболивающего закончилось внезапно. И хлынули кроваво-красные волны, унося вниз по реке из жидкого огня.

Жар. Нечеловеческая боль. И слабость.

Бредовые отрывочные видения, в которых Раум куда-то бежал, пытался кого-то спасти, дрался...

Дрался с мантикорой. Языки пламени, обвивавшие голову хтонической твари подобно гриве, жалили и жгли, когти разрывали чешую демона легко, словно она была бумажной. Раз за разом Раум проигрывал и падал под ноги бестии. Чувствовал, как острые клыки вонзаются в живот, и почти мечтал о скорой смерти, когда мантикора, урча, пожирала еще живую добычу.

Порой боль ослабевала. Демон выныривал из мутного кошмара навстречу белесому небу. Лежа на восхитительно прохладных камнях, вдыхал запах горной реки и гадал надолго ли его хватит.

Хрупкое равновесие в полушаге от смерти.

Нестерпимое предчувствие опасности выдернуло его из очередного витка бреда. Раум открыл глаза и едва успел вскинуть руку, прикрывая горло, когда из-за скал метнулась бурая туша.

Предплечье обожгло болью, мгновением позже проснулись рефлексy, и кожу сменила чешуя, защищая от укуса. Демон с яростью дернул рукой, и хищник откатился в сторону.

– Я еще не сдох, приятель, – прохрипел Раум, вспоминая, как называется этот зверь. – Придется подождать.

Низкий и косматый, похожий на медвежонка. Толстенные лапы вооружены когтями, да и зубы... Демон скользнул взглядом по намокшему от крови рукаву. В прорехах ткани виднелись следы, оставленные клыками хищника.

Да, зубы тоже впечатляют.

Росомаха! Редкое животное. Можно сказать, повезло встретить.

Хищник тоже считал, что ему повезло. Он принохался, издал крик, напоминающий скрип несмазанной двери, и пошел в обход, явно прикидывая, с какой стороны лучше подбаться к опасной добыче.

– Не... дождешься, – выдавил Раум.

Чтобы его, высшего демона, сожрала какая-то куница-переросток!

Будь он чуть в лучшей форме, он бы уничтожил эту тварь легким движением руки. Но Раум был так слаб, что не смог бы даже выпустить когти в частичной трансформе. Все силы ушли на то, чтобы не подохнуть раньше времени.

Он дождется Дженни...

Росомаха медленно наворачивала круги возле умирающего демона. Она была голодна, а жертва так соблазнительно пахла свежей кровью. Но врожденный инстинкт подсказывал зверю, что, даже будучи при смерти, эта добыча может оказаться ему не по зубам. Поэтому хищник медлил, выискивал слабые места.

– Проваливай! – Раум попробовать приподняться, чтобы кинуть в росомаху камнем, но в глазах потемнело, и он испугался, что потеряет сознание.

Зверь снова застрекотал, а потом, словно почуяв, что левая рука у противника сломана, зашел с левого бока и бросился. Стремительно, без предупреждения.

Его встретил удар булыжника прямо в морду. С жалобным визгом хищник отлетел в сторону и отбежал за скалу. Раум снова откинулся на камни, пережидая багровые круги перед глазами. На губах демона застыла злорадная ухмылка – он точно слышал хруст. Кажется, удалось сломать наглой твари пару костей. Теперь она вряд ли рискнет сунуться.

Да тех пор, пока не будет точно уверена, что добыча мертва. А что потом?

Будь все проклято! Он не желает сдохнуть здесь, под равнодушным небом Маррейстоуна, на радость местным падальщикам!

Он выживет! Вытерпит, дождется Дженни... Она обещала, что вернется!

Она ведь вернется?

Прижав уши, высунув язык стремительным алым вихрем по горному серпантину летела волчица. Дорога сама стелилась под лапы, ветер подталкивал в спину. Миля за милей оставались позади, а волчица все так же мчалась, не снижая скорости.

Безумный спринтерский забег на марафонскую дистанцию.

Капли слюны срывались с высунутого языка, горели ободранные об асфальт лапы, воздух вылетал из пасти клубами пара и растворялся в стылой тишине. Хриплое со свистом дыхание разбивало беззвучье.

Но волчица не снижала скорости, рвалась вперед из последних сил, выжимая себя до предела.

Темно-красные в белых прожилках горы дремали, подставляя бока неяркому осеннему солнцу. И только рыжая тень с отчаянным упорством бежала вниз по дороге.

Отвоевывая минуты и мили в безумной гонке взапуски со смертью.

Нэд, почесывая затылок, разглядывал выцветшую вывеску "Последний приют".

И вот что, спрашивается, вздорной бабе не нравится? В свое время батюшка Нэда открыл здесь на развилке двух дорог – тогда еще грунтовых, по которым ходили конные повозки – постоянный двор. И много лет в "Последнем приюте" останавливались фермеры, везущие урожай в ближайший городок на продажу, и пассажиры рейсовых дилижансов. Никто на название не жаловался.

Ну да – понятно, что мир изменился. Маги научились ловить души хтонических тварей и сажать в кристаллы, лошадей сменили автомобили. Нынче и дорогу застелили асфальтом, и дилижансов, почитай, не осталось, и конные телеги у фермеров встречаются все реже.

Ритм жизни поменялся. Пронесется мимо на своих повозках, запряженных адскими тварями с такой скоростью, что где тут разглядеть старенькую гостиницу на обочине?! Потому и постояльцев стало меньше.

Но название тут точно ни при чем. И если эта дуреха еще раз заикнется, чтобы Нэд его сменил, он...

Он как рявкнет: "Молчи женщина или убирайся из моего дома!" да кулаком по столу стукнет.

Воображение тут же нарисовало вторую половину Нэда, недовольно поджавшую губы в ответ на подобную эскападу. Как наяву в ушах зазвучал насмешливый голос: "Ты что, совсем свихнулся?"

Нэд вздохнул. Нет, конечно, ничего такого он не сделает. Но хоть помечтать-то можно?

Он еще раз критически оглядел столб с приколоченным указателем на мотель. А в чем-то Мэри права – вывеску не мешало бы обновить. Отполировать, покрасить. Почитай, уже лет девять висит, совсем выцвела. С трассы и не разобрать, что там написано.

Покопавшись в ящике с инструментами, он извлек гвоздодер и, подойдя к столбу, примерился было к торчащей из дерева ржавой шляпке, как какой-то странный сиплый звук заставил его вздрогнуть и обернуться.

По узкой уводящей в горы дороге на Нэда неслась неведомая зверюга.

Больше всего она походила на гигантскую лису. Или огненно-рыжего волка, по пояс взрослому человеку в холке.

Волчище передвигался странными скачками, пошатываясь, как пьянчужка, который возвращается домой из паба. Взгляд Нэда скользнул по окровавленным лапам, перешел на покрытую пеной морду, вытянутый язык в потеках слюны...

Бешеный?!

Стало жутко.

С детской растерянностью Нэд наблюдал за приближением зверюги. Пальцы отчаянно стискивали гвоздодер, а ноги враз отнялись, как бывает в дурном сне, когда и хочешь сбежать, но сил нет сдвинуться с места.

Только когда волчище преодолел половину пути, Нэд заорал и отскочил в сторону. Но неудачно: запнулся ногой о камень и приземлился на пятую точку.

От падения вышибло дух, потянутая еще в юности спина отозвалась вспышкой боли, а гвоздодер выпал из ослабевшей руки.

– У-у-у, – заскулил Нэд, предчувствуя скорый конец в клыках проклятой бестии.

Зверь вылетел на утопанную площадку перед вывеской и отчаянно замотал головой, стягивая с шеи что-то вроде скатки из ткани. Нэд моргнул.

Скатка? У дикого волка на шее не может быть скатки...

Но сделать выводы он не успел, потому что жуткая зверюга замерцала, превращаясь в обнаженную девушку. Очень знакомую – всего-то часов десять прошло с того, как Нэд готовил ей завтрак и с удовольствием отвечал на расспросы о здешних местах.

– Авария! – прохрипела рыжая девчонка, вскидывая на Нэда безумный взгляд. – Обвал в горах! Нужна... помощь!

И потеряла сознание.

ГЛАВА 8

Смоченная водой прохладная ткань коснулась лица, обтерла лоб. Где-то над головой ворчливый женский голос выговаривал.

– Иди! Иди отсюда, старый! Нечего на девичьи сиськи пялиться! Знаю я, зачем ты тут торчишь.

– Да я же... – пытался возразить ему сконфуженный мужской.

– Иди, говорю.

Край жестяной кружки уткнулся в губы. Дженни открыла рот и в три глотка выхлебала всю кружку. Вода была восхитительно холодной и свежей.

А потом открыла глаза.

– Очнулась, – расплылась в улыбке смутно знакомая женщина. – Вот и хорошо. Что с тобой случилось, девочка?

– Я... – говорит было трудно, в горло словно репьев напихали. Дженни попыталась сесть и это действие отозвалось болью во всем теле. Особенно почему-то болели пальцы.

– Не торопись, – женщина отобрала у нее пустую кружку. – Еще воды?

– Нет! – девушка приподнялась и вцепилась в ее запястье. – Пожалуйста! Дайте постограф! Авария в горах... нужно вызвать спасателей!

– Какая авария, о чем ты, деточка?

– Обвал...

Взгляд упал на скатку из одежды рядом с кроватью. Дженни вскочила и пошатнулась от слабости. С губ невольно сорвался стон – измученный организм мстил за запредельное усилие. Но девушка только стиснула зубы и вцепилась в ткань опухшими пальцами, пытаясь распустить узел.

Нужно одеться... вызвать спасателей... вернуться к Рауму...

– Деточка, с тобой все в порядке? – опасливо поинтересовалась женщина, намекая отнюдь не на физическое состояние. – Ты головой, случайно, не стукнулась?

– Нет, – прорычала Дженни. – Я не стукнулась головой! Там, в горах сейчас умирает мой друг! Вызовете помощь или хотя бы дайте мне постограф!

Остаток вечера и ночь слились в какую-то мутную мешанину. Остались в памяти калейдоскопом, набором ярких вспышек и темных провалов, заполненных мучительным ожиданием.

Вот Дженни одевается. Вот находит хозяина мотеля и требует, чтобы он отправил под ее диктовку послание – самой ей не удержать стило в трясущихся и распухших после дикого бега пальцах.

Вот запрыгивает в пузатый фургончик службы спасения. Коротко и отрывисто излагает ситуацию медикам, пока автомобиль ползет вверх по горному серпантину.

Медленно, так невыносимо медленно.

Время утекает сквозь пальцы, Дженни вязнет в нем, как муха в сладком сиропе. Если бы это могло помочь, она бы обернулась и помчалась рыжей волчицей впереди фургона.

Вот фургон тормозит у перекрывшей дорогу груды камней. Мгновенный ужас, когда до Дженни запоздало доходит, что нужно как-то спуститься в каньон. И невыразимое облегчение, когда спасатели достают тросы и крепят их на краю обрыва, обеспечивая медикам комфортный спуск в люльке из веревок.

Изломанное тело на берегу реки. Дженни срывается и бежит, выкрикивая его имя, падает на колени рядом. И сердце замирает, перестает биться при виде слабой улыбки на побелевших губах. Демон шепчет: “Дженни-конфетка”, а потом все расплывается.

Вот суетятся медики. Что-то выкрикивают, вкалывают регенератор, обмениваются короткими фразами сплошь из терминов, как будто на чужом языке. И Дженни по одной только озабоченной, но деловой интонации понимает, что дело худо, но не безнадежно. Они добрались, успели.

– Все с ним будет в порядке, раз уж дождался, – с усмешкой говорит немолодой врач-сильф. И качает головой в изумлении. – Надо же, какие живучие твари!

А Дженни даже не может сказать ему, что демоны не твари, потому что плачет. От облегчения, от пережитого ужаса. И от того, что теперь все будет хорошо.

Подъем носилок с привязанным телом на тросах – уже в глубоких сумерках. Долгая дорога до ближайшего города, обескровленное лицо Раума и медик, с невозмутимым видом, обрабатывающий перелом.

Огни фонарей, распахнутые ворота окружного госпиталя и двери операционной, которые захлопываются прямо перед ее лицом.

– Подождите здесь, девушка.

Последняя картинка: Дженни без сил опускается на стул. И темнота...

Первым, что Раум увидел, когда очнулся, был потолок. Дощатый, в потеках белой краски – он откровенно озадачил демона. Ни в Шейди Манор, ни тем более в его городской квартире на семнадцатом этаже элитного небоскреба в центре столицы подобного убожества быть не могло.

Раум повернул голову, увидел дремлющую на стуле Дженнифер и резко вспомнил все.

Собственную дикую злость, когда он узнал, что рыжая обвела его вокруг пальца. Сутки за рулем в стремлении перехватить беглянку.

Ночь в засаде: он действительно умудрился обогнать сладкую парочку почти на шесть часов. Затмевающая разум ярость, когда он увидел свою Дженни-конфетку рядом с этим ничтожеством Маккензи и представил чем они занимались прошлой ночью. Слова, сказанные под воздействием этой ярости, волна ответной тяжелой ненависти от рыжей...

А потом сразу обвал, падение, боль и осознание, что все кончено.

И ее обещание... Оно ведь не приснилось Рауму?

– Дженни, – окликнул он. Собственный голос не понравился. Слишком слабый, неуверенный.

Девушка вздрогнула и открыла глаза.

– Раум! Ты очнулся! Я позову доктора!

– Подожди...

Но она уже убежала.

Пришел местный врач в сопровождении медсестры и пришлось отвечать на дурацкие вопросы о самочувствии и терпеть сканирующие чары.

– Ну что же, у меня хорошие новости. Жить будете.

– Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю, док, – скривился Раум.

Он, мать твою, демон! И если уж он не подох там, в каньоне, то понятно, что он будет жить! И не хуже, чем раньше – у демонов почти нет уязвимых точек. Даже оторванные конечности в теории могут прирасти обратно, если сразу после увечья обратиться к лекарю.

– Полное восстановление займет около месяца.

Дерьмо! Потерять целый месяц из оставшихся двух? Тогда можно сразу писать отцу, чтобы занялся подготовкой к свадьбе.

– Ближайшие две недели вам показан постельный режим, потом можно потихоньку вставать.

Отлично, еще и две недели на больничной койке!

– А побыстрее никак нельзя, док? Форсированное магическое лечение, например. Деньги не проблема, сами понимаете.

Тот нахмурился, пожевал губу.

– Можно, но я не рекомендую. ФМЛ – огромная нагрузка на организм, а ваш и так ослаблен, господин ди Форкалонен. Вас буквально оттащили от края бездны, и это не фигура речи.

– Ничего, – Раум криво ухмыльнулся. – Я справлюсь.

Собиравшая оборудование медсестра покосилась на демона с упреком.

– Только что из могилы вытащили, так снова хочет туда залезть. Ой, молодежь!

От этой фамильярности Раум несколько охренел. Настолько, что даже не сразу нашел достойный ответ. Никогда раньше служанки, медсестры или прочие человеки из obsługi не осмеливались учить жизни будущего главу клана ди Форкалонен.

Провинция. Дикая люди, что с них взять?

– Это мое дело, – наконец, холодно ответил он, не желая впасть в откровенное хамство. Все же эта тетка была в числе тех, кто спас его жизнь, а демон умел ценить такие вещи.

Доктор все равно хмурился. Идея Раума ему определенно была не по душе.

– Вы знаете, что форсированное лечение накладывает ряд ограничений на образ жизни? Чары истощают регенеративный запас организма, поэтому в течение года вам категорически противопоказаны дуэли и травмы. Считайте, что на год ваши возможности по самоисцелению будут приближены к человеческим. Кроме того, не рекомендуется подвергаться воздействию стационарных магических полей или слишком активно расходовать магический резерв. При нарушении вам грозит слабость, потеря сознания, изнурение и даже энергетическая дистрофия – в зависимости от силы воздействия.

Демон фыркнул.

– Я это переживу, док. Главное: как можно скорее поставьте меня на ноги. И еще: позвоните Дженни... Девушку, которая здесь сидела.

– Думаю, ее и звать не нужно, – врач улыбнулся и открыл дверь. С кровати Раума отлично было видно, как рыжая ойкнула и отскочила, потирая лоб. – Госпожа Маккензи, – он погрозил пальцем. – Разве родители не учили вас, что приличные леди не подслушивают?

– Извините, – выдавила девушка, и бочком юркнула в палату.

Целитель, повинувшись требовательному взгляду пациента, вышел. Медсестра последовала было за ним, но задержалась в дверях, чтобы подмигнуть Рауму.

– Она провела у вашей постели три дня, – театрально-громким шепотом сказала женщина, указывая на Дженни. – И мы еле уговорили девочку уйти ночевать в гостиницу. Вы счастливчик, молодой человек.

Раум открыл было рот, чтобы одернуть зарвавшуюся тетку, но перевел взгляд на Дженни, и почему-то сказал.

– Я знаю.

Девушка выглядела измученной. Под глазами залегли тени, лицо осунулось, а под халатом виднелось то самое дешевое серое платье, в котором она садилась в его машину – трое суток и вечность назад.

Дверь за медиками, наконец, закрылась, оставляя демона наедине с его волчицей. И он, никогда не страдавший стеснительностью, вдруг понял, что не знает, с чего начать этот разговор.

Разве что сказать ей, какая она красивая. Несмотря на следы усталости на лице и растрепанную бронзу волос. Красивей женщины он не встречал.

Она шагнула к постели.

– Как ты?

– Как парень, который только что возвратился из турпоездки на тот свет, – он вернул ей улыбку – такую же робкую и неуверенную, какая замерла на ее губах. И подумал, что понятия

не имеет, как теперь с Дженни общаться. Теперь, когда признал насколько она важна – важнее всех вещей в этом мире. Теперь, когда он должен ей свою жизнь, а это не тот долг, о котором демон способен забыть.

Не делать же вид, что ничего не произошло.

– А ты, детка? Хреново выглядишь.

– Да нормально, – она растерянно пожала плечами, словно не задумывалась о своем самочувствии до того момента, пока он не спросил.

– Подойди.

Она пристроилась на краешке кровати. Раум поднял руку и коснулся ее щеки, и Дженни замерла, глядя на него широко распахнутыми зелеными глазищами. На белой коже отчетливо выделялись веснушки, вызывая дурацкую нежность и желание перецеловать каждую.

– Спасибо, – тихо и очень серьезно сказал он. – И прости.

– Это я уже слышала, – она слабо улыбнулась и накрыла его ладонь своей, прижимая к щеке. Теплые всполохи облегчения и нежности затопили палату.

– Когда? А... точно!

Он говорил ей что-то такое. Там, в каньоне балансируя в полушаге от багровой огненной реки. Он много чего тогда нес, ошалев от болевого шока и призрака скорой смерти.

– И что ты тогда ответила? Я не помню. Простила?

Девушка пожала плечами и смущенно улыбнулась.

– Я тоже не помню. Весь тот день урывками, – беспомощно сказала она.

– Но ты не злишься?

– Нет... – теперь в ее ауре зазвучали нотки вины и страха. – Но... Раум, я тоже виновата.

– Конечно, виновата! Ты сбежала от меня с Маккензи, – полушутливо заметил он.

Ответом стала короткая вспышка раздражения.

– Нет! Этот обвал... Я почти уверена, что это я его вызвала! – выпалила Дженни и зажмурилась.

– Э-э-э...

– Понимаешь, я на тебя ужасно разозлилась, просто нечеловечески, – торопливо заговорила рыжая. – И очень захотела, чтобы с тобой случилось что-нибудь... плохое. Но я не хотела аварии, – она распахнула глаза и жалобно заглянула в его лицо. – Это... просто эмоции.

– Детка, что ты несешь? – Раум посмотрел на нее со снисходительной лаской. Вот ведь дуручка: чего надумала. – Может, ты у нас маг-стихийник со специализацией на земле седьмого года обучения, а я и не в курсе?

– Нет.

– И не помню, чтобы ты чертила гексограмму в машине или читала призыв к элементалям.

– Понимаешь...

– Что, все-таки чертила, а я не заметил?

– Да нет же! – она покраснела и разозлилась, но это было лучше, чем виноватый собачий взгляд. – Просто эти горы... они как будто разговаривают со мной.

– Детка, с такими заявлениями лучше к мозгоправу.

– Я говорю серьезно!

– Я тоже. Ладно, ладно! – он вскинул руки, прекращая глупый спор. – Даже если этот обвал случился по твоей вине, я не сержусь. Признаю честно: я вел себя, как полный ублюдок. Так что ты все правильно сделала. Опять же: насколько я помню, то ты потом вытащила мою задницу из “Манतिकоры”. Было?

– Было.

– А еще ты мне кое-что обещала, – медленно произнес Раум, не отрывая взгляда от ее губ. – Было?

Он бы понял, пожелай она пойти на попятный и не стал бы настаивать: он и так был ей кругом должен. И уже твердо решил, что никогда больше не будет ее принуждать. Ни к чему. Ни силой, ни хитростью.

Дженни не заслуживает этого.

– Было, – тихо сказала девушка. На девичьих щеках вспыхнул слабый румянец. – И я не отказываюсь от своего слова. Только... Раум, пожалуйста. Мне очень нужно к шаману! Я хочу снять печать.

После этих слов он отчего-то почувствовал себя настоящим подонком. Какое паскудное ощущение – словами не передать!

Нельзя было запрещать ей эту поездку. Как бы он ни хотел владеть рыжей целиком и безраздельно, семья важна для нее. Лишать девчонку клана – неправильно и просто подло.

– Конечно, Дженни-конфетка. Но если это терпит хотя бы пару дней – подожди. Я хочу сам отвезти тебя.

ГЛАВА 9

Ох уж эти демоны! Только-только в себя пришел, а уже распоряжается!

– Но...

– Никаких “но”, детка! Ты сейчас же отправляешься в гостиницу. Считай, что я твой доктор и я прописал тебе душ и здоровый двенадцатичасовой сон.

– Доктор? – Дженни сложила руки на груди и смерила его – лежащего в постели, обмотанного бинтами – выразительным взглядом. – Ты ничего не путаешь?

Он ухмыльнулся.

– Неа. А за тем, как ты выполняешь рекомендации проследит Бетти.

– Кто такая Бетти?

Бетти оказалась массивной тролльшей-санитаркой, которая нарисовалась в палате и чуть ли не силком увела Дженни.

– И платье смени, – посоветовал Раум, когда она замешкалась в дверях, раздумывая не возмутиться ли таким самоуправством. – Ты в нем похожа на облезлую ворону.

Взглянув на хмурое лицо санитарки, Дженни решила, что поднимать скандал преждевременно. С этой великанши станется перекинуть ее через плечо и унести. Да и другие врачи не обрадуются воплям в хирургическом отделении.

– Иду я, иду! – буркнула она, тщетно пытаясь высвободиться из стальных ручищ. – Не надо меня тащить!

И когда Раум успел сговориться с тролльшей, демоняка хренов?! Неужели за те пятнадцать минут, пока Дженни отбегала перекусить в ближайшее кафе?

Нет, сон совсем не помешал бы. За эти три дня Дженни спала урывками по полчаса-часу, и чаще сидя. Она и сама понимала, что вымотана до предела, но нервное напряжение гнало вперед, не отпускало, не давало просто остановиться выдохнуть. Хотя с момента спуска медиков в каньон от нее уже ничего не зависело.

Санитарка усадила Дженни на такси и отвезла в гостиницу. Не ту – ближайшую к госпиталю дешевую ночлежку, где Дженни прошлой ночью спала аж шесть часов. Этот отель находился в самом центре города и был обставлен с претензией на роскошь. Этаким провинциальный шик в стиле поздней Республики – gobelены, портьеры, мраморные колонны. Правда, все потасканное, пыльное, а портьеры еще и траченные молью, но если не приглядываться, смотрится более чем достойно.

– Императорский люкс, – пробасила тролльша на ресепшене.

Ну конечно, императорский люкс! Чтобы Раум ди Форкалонен снял что-нибудь скромнее, даже если номер ему нужен исключительно чтобы поспать часов десять?! Да ни в жизни!

Но несмотря на собственное ворчание Дженни не могла не признать: ощущать заботу демона было очень и очень приятно.

Вредная тетка на этом не успокоилась. Она поднялась с Дженни в номер и проследила, чтобы та приняла душ. Вытащив неожиданно осоловевшую девушку из ванной, тролльша уложила ее в постель и скомандовала.

– Спи.

“А вот фиг тебе, чудовище! Времени только семь вечера. Сейчас ты уйдешь, а я встану и займусь своими делами”, – подумала Дженни, закрывая глаза.

Когда она их открыла, было уже светло. Солнечные зайчики плясали на стенах, отделанных резными деревянными панелями. Тело переполняла энергия, а еще зверски хотелось есть.

Взгляд упал на часы, Дженни охнула и вскочила. Почти полдень?! Как же так... это сколько же она проспала?!

“До двух дня тебя в больницу все равно не пустят, у меня восстановительные процедуры. Так что не кипешись. Позавтракай, пройдишь по магазинам. Я тут немного денег подкинул на карманные расходы, можешь тратить без стеснений”, – записка, написанная очень знакомым угловатым почерком, ждала ее на тумбочке. Рядом с ней скромно мерцал матовый экранчик нового постографа. Дженни включила его, бросила взгляд на входящие сообщения и охнула. Письмо от Национального Имперского Банка извещало, что на ее имя заведен счет, на который перечислен миллион золотых.

Сколько-сколько?!

Она поморгала. Протерла глаза, еще раз пересчитала нули. Ну да, все правильно. Миллион и ни ноликом меньше.

Дичь какая! Сумма была настолько несуразно огромной, что поверить в нее не получалось. Тем более не получалось воспринять ее как деньги. Просто семь цифр.

На карманные расходы, да?

Дженни неожиданно разозлилась. Переведи ей Раум пару сотен (тоже не такие маленькие деньги, можно купить несколько платьев, пальто, белье и всякие необходимые для жизни мелочи вроде дезодоранта и носового платка) она бы приняла их с благодарностью. Такие “карманные расходы” были понятны. И взять не зазорно, и, случись что, Дженни всегда сможет их вернуть.

Но миллион, выданный “на карманные расходы”, заставил ее остро почувствовать себя ущербной. То ли от самой цифры, то ли от формулировки.

– Ни медяшки не возьму! – поклялась она себе.

И все же купить одежду было необходимо. И без того неказистое серое платье за эти дни превратилось в совершеннейшую тряпку. И поскольку сменного у Дженни не было, от него уже довольно ощутимо пахло. Да и пальто не помешало бы. Прежнее так и сторело в машине, вместе с остальными вещами.

К счастью, на старом счету Дженни все еще хранилось чуть меньше тысячи монет. Так что хватило и на завтрак в кофейне, и на новое темно-синее платье, и на белье, и на сумочку.

Ничто не лечит нервы так, как хороший шопинг. К тому моменту, как Дженни высаживалась из такси у ворот гостиницы, ругаться из-за навязанных денег ей совершенно расхотелось. Вместо этого, появилось предвкушение: быстрее бы увидеть беловолосого демоняку, обнять его, убедиться, что все в порядке.

Вид у Раума был неважный. Он еще больше осунулся по сравнению со вчерашним днем, глаза горели лихорадочным блеском, а кожа, когда Дженни коснулась его лба показалась ей неестественно горячей и сухой.

– Что с тобой?

– Все хорошо.

– Не ври мне, – она опустилась на край кровати и с упреком посмотрела на него. – Ты бы себя видел.

Демон скривился.

– Детка, я на форсированном магическом излечении. Это не очень приятная процедура. И красоты она не добавляет. Но я действительно в порядке. Это временно.

– Я слышала, что ФМЛ – это очень вредно.

Он пожал плечами:

– Если соблюдать рекомендации, то не особо. Мне нельзя будет какое-то время подвергаться воздействию сильных магических полей и драться, в остальном противопоказаний нет. Хватит об этом. Иди ко мне!

Он приподнялся, обнял Дженни за талию и привлек к себе. Не ожидавшая такого девушка повалилась на постель. Раум вдруг оказался рядом, совсем близко. Сквозь тонкую ткань боль-

ничной пижамы и шерсть платья она чувствовала лихорадочный жар его тела. Ладони стальным капканом сомкнулись на талии.

– Дженни, – выдохнул демон.

– Не здесь же, – вяло попробовала возразить она. Больше для приличия. А руки уже сами обвили вокруг его шеи. Снова вспомнился испытанный в каньоне невозможный ужас. От мысли, что она могла потерять Раума навсегда девушку затрясло. Она прижалась плотнее, уткнулась лбом в плечо.

– Не здесь, – согласился он. – Просто полежи рядом. Я сейчас все равно на большее неспособен.

Сухие и горячие губы коснулись щеки, спустились ниже и замерли на шее. Там, где под тонкой кожей билась жилка.

– А меня не прогонят за то, что я на кровать в одежде?

– Пусть только попробуют, – Раум усмехнулся. – Не переживай. После того как главврач узнал размер пожертвования, которое я собираюсь внести на счет больницы, никто не вякнет, даже если я решу устроить тут пьяную оргию с девками.

Она фыркнула и беззлобно ткнула его кулаком в плечо.

– Никаких девок!

– Как скажешь, – покладисто кивнул демон. И подвинулся, освобождая место на кровати, – Залезай.

Дженни помедлила, но потом плюнула на все, разулась и легла рядом.

– Ты горячий, – заметила она, осторожно обнимая его.

– Угу. Регенерация идет полным ходом. Думаю, послезавтра смогу сесть за руль.

Он снова поцеловал ее – осторожно и очень нежно в уголок губ. Провел пальцем, очерчивая линию скулы, подбородок.

– Здоровый сон пошел на пользу, ты больше не похожа на панду, Дженни-упрямица.

– Да уж, – она фыркнула. – Твоя Бетти – настоящее чудовище.

– Весьма исполнительное и понятливое чудовище. Она передала мой подарок?

– Угу, – Дженни нахмурилась. Ей не хотелось нарушать чудесную атмосферу уединения и близости, но этот вопрос требовал прояснения. – Раум, я не возьму этих денег!

Это ему не понравилось.

– Почему?

– Потому что это неправильно. И... это слишком большая сумма.

– Слишком большая? – он скривился. – Детка, не смей меня.

– Да, большая. И не делай вид, что это не так. Я знаю, что твоя “Мантикора” стоила столько.

– Моя жизнь точно стоит больше.

Дженни вспыхнула.

– Но я спасла ее не ради награды! Раум, забери эти деньги.

Он покачал головой.

– Нет. Я не забираю подарки.

– Я не возьму их.

– Значит, пусть лежат, – демон ухмыльнулся. – Там на вкладе неплохой процент.

Не обращая внимание на ее возмущение, он притянул девушку ближе и поцеловал в макушку. И снова Дженни растаяла, не в силах злиться на него – такого близкого и родного. Вид сильного мужчины на больничной койке будил в ней какие-то материнские чувства, и если бы Раум с самого начала не пресек подобные поползновения, она бы уже прыгала тут, разыгрывая курицу-наседку.

Но демон, даже едва оправившись от смертельной травмы, умудрялся заставлять окружающих плясать под его дудку.

– Как с ней сложно, – пожаловался Раум в пространство непонятно кому. – Другая давно бы воспользовалась возможностью разорить меня, но не Дженни-я-презираю-твои-деньги.

Девушка невольно захихикала.

– Я не презираю. Просто мне не надо чужого.

– Они твои, – и он поцеловал ее, заглушая поток новых возражений.

По телу прокатилась теплая волна, Дженни прижалась и ответила, вкладывая в поцелуй всю свою любовь к нему – такому вреднючему, упрямому, наглому и замечательному.

– Моя! – пробормотал демон, оторвавшись от ее губ.

– Твоя, – с грустной улыбкой согласилась Дженни.

Она обещала себя ему. И отказываться от своего слова не собиралась.

Возмущенный вскрик со стороны двери заставил девушку вздрогнуть и обернуться.

У входа в палату стоял Чарли. На лице оборотня читалось такое праведное негодование, что Дженни на мгновение ощутила себя виноватой.

Она снова позабыла про него. За эти безумные три дня пока местные лекари оттаскивали Раума от края бездны, ни разу даже не вспомнила о друге, оставшемся на горной дороге по ту сторону обвала. Нехорошо-то как.

– Чарли, – пробормотала она, и попыталась подняться, но Раум стиснул ее крепче, привлек к себе и с вызовом уставился на оборотня.

– О, как мило. Малыш Маккензи пришел меня навестить. Апельсины принес?

– Дженни... ты с ним?

Она вздохнула. Ну почему он снова начинает этот разговор?

– Да, я с ним, Чарли.

Раум, ободренный этими словами, чуть ослабил объятия, но Дженни не спешила покидать его кровать.

– Как ты могла?! Мы же... ты же... Ты ведь сбежала от него.

– Маленькое недоразумение, – насмешливо заметил демон. – Знаешь, влюбленные иногда ссорятся.

Его рука демонстративно легла на ягодицу девушки, но вместо того, чтобы возмутиться Дженни вдруг обмякла и глупо улыбнулась.

Он сказал “влюбленные”. Пусть даже косвенное, но это признание. Первое признание, которое она услышала от Раума. Даже там, в каньоне, он не сказал ей этого прямо. Три коротких слова, за которое она готова была отдать душу.

– Вот ты какая?! – теперь в голосе Чарли звенела вселенская обида. – Я тут... ради тебя согласился на такое. А ты... Потаскуха! – это слово он буквально выплюнул и Дженни дернулась так, будто ее ударили.

– Та-а-ак, – мрачно протянул Раум. – Сейчас я кому-то вырву его грязный язык.

Демон отстранился от Дженни и приподнялся, собираясь встать.

– Нет! – девушка вцепилась в него. – Раум, ты с ума сошел?!

Он псих! Драться на второй день после того, как пришел в себя?! Находясь под форсированным магическим лечением?! Да он до Чарли даже не дойдет – по дороге свалится!

Демон был настолько слаб, что она без труда утянула его обратно на кровать.

– Уходи, – прошипела Дженни, поворачиваясь к все еще мнущемуся в дверях оборотню. – Сейчас, немедленно! Или я позову охрану!

Хорошо, что он послушался, иначе она не погнушалась бы встать и вышвырнуть его вон из палаты.

ГЛАВА 10

Знакомство с потенциальным женихом пришлось отложить. Билеты были уже куплены, все дела отменены и Кари с Брайаном сидели на чемоданах, когда пришло сообщение от родных: в горах случился обвал, единственную дорогу засыпало и расчистят не раньше, чем через три дня.

– Я уже начинаю ненавидеть этого твоего Маккензи, – скорбно поделился Брайан с Кари. – Вот не мог он сделать тебе предложение на каникулах?

Да, у брата все-таки не получилось отвертеться от поездки. Когда речь заходила о настоящем важном деле заставить матушку отменить ее планы не смог бы даже совет вожаков. И поскольку помолвка младшей дочери, по мнению Эрны Маккуин, относилось как раз к таким вещам, никакие ссылки на учебу и грядущую сессию не принимались.

Кроме того, разве можно допустить, чтобы несчастная, слепая и беспомощная девочка ехала в поезде совершенно одна! Какой кошмар, ее же там изнасилуют, обворуют или украдут в гарем султана. Или даже все сразу.

– Не мне одной страдать, – злобно хмыкнула девушка.

Брат надулся.

– Вот увидишь: этот Маккензи окажется каким-нибудь уродом, – пообещал он.

– Если так, то с его стороны очень мудро выбрать слепую жену.

– С визгливым голосом и мерзким запахом.

– Безрадостная картина, – весело согласилась Кари. – Тетка Ванда явно меня ненавидит, если подобрала такого мужа.

Вообще-то, с теткой у нее действительно были трения – Кари отказалась учиться у нее, чтобы занять место шамана в будущем. Но это не повод подбирать в мужья упрямой племяннице мерзкое страховидло.

После матушкиного письма прошла неделя, было время подумать. И по зрелому размышлению, Кари решила, что помолвка не такая плохая идея. По крайней мере, мама точно отвяжется от нее с замужеством. А свадьбу все равно по волчьей традиции отложат до того момента, пока будущий супруг не закончит академию, то есть четыре года у нее в любом случае будет. И желание быть поближе к жениху – прекрасное оправдание для окончательного переезда в столицу.

И может, сам Чарльз ей понравится? Сокурсники отзывались о нем, как о неплохом честном парне с достаточно широкими для оборотня взглядами.

Короче, прежде чем категорически отказывать, стоит сначала принюхаться.

Время в дороге прошло с пользой. Кари дочитала учебник по теории магических потоков и почти успела сформулировать список вопросов, которые собиралась задать преподавателю. Нельзя всю жизнь выезжать на уникальном видении магии, надо осваивать теорию.

А на вокзале уже ждал дядя Патрик.

– Мелкая! – весело загудел он. Подхватил Кари на руки – легко, слово ей по-прежнему было пять лет – и подкинул в воздух, заставив взвизгнуть. – Похорошела-то как! Всем парням на погибель! Жених твой глаз отвести не сможет!

Кари поцеловала его в колючую щеку, обняла за шею, наслаждаясь детским ощущением покоя и безопасности.

– А ты видел моего жениха, дядя Патрик? Какой он?

– Не видел. Я как поехал закупаться для фермы, так застрял. Дорогу только сегодня утром расчистили, – он опустил девушку на землю, пожал руку Брайану. – Не бойсь, мелкая! Эрнэ плохого мужа не выберет.

– Дядь Патрик, а где твой пикап? – подал голос брат.

– Да на сервисе, – голос мужчины стал немного смущенным. – Подвеска барахлит, я и решил: раз уж все равно застрял тут, отгону в мастерскую. Теперь забрать надо.

– Это ведь на другом конце города? – уточнила Кари. – Можно я с вами не пойду?

День был погожий, и при других обстоятельствах она не отказалась бы прогуляться, но сейчас, пока прочитанный учебник был свеж в памяти, пальцы горели от желания завершить работу.

– Ну, если с тобой братец останется...

– Вот еще! – возмутился Брайан. – Делать мне нечего.

– Ну уж нет! – не менее горячо поддержала его Кари. Хватит и того, что брат всю дорогу мотал ей нервы и отвлекал разговорами. – Брайану вредно сидеть на одном месте, у него тогда вся кровь приливает к ягодичным мышцам, и думать он начинает именно этим местом.

Брат возмущенно запыхтел, явно обдумывая ответную гадость.

– И что: будешь сидеть одна на вокзале? Ты в своем уме, мелкая? Тут же шушеры всякой полно, жуликов!

На самом деле большую часть суток провинциальный вокзал небольшого городка был абсолютно пустым, если не считать скучающего в билетной кассе продавца. Но некоторые вещи старшему поколению объяснить проблематично.

– А я в кофейне подожду! – нашлась Кари. – Тут недалеко.

Чарли стискивал кулаки и шагал, не разбирая дороги. В душе все кипело от ярости и обиды.

Он отказался от права зваться вожаком, чтобы защитить Дженни. Бросил на полтора месяца учебу, чтобы спасти ее доброе имя в глазах соплеменников. Отправился в эту богиней забытую дыру, чтобы уговорить старую ведьму помочь. Согласился повесить себе ярмо на шею в виде слепой девицы.

Все, все ради Дженни. А она что? А она в это время развлекается с богатеньким мажором! Валяется с ним на одной кровати в больнице, чуть ли не трахается на глазах у персонала!

А про Чарли вспоминает, только когда у нее проблемы.

Интересно, вот как она запоет, если он сейчас возьмет билет на поезд и уедет?! Просто исчезнет, не объясняя ничего, не обсуждая. Он бы посмотрел, как Дженни будет разговаривать с шаманкой без него, с удовольствием послушал, как вредная старая гримза пошлет просительницу.

От злых мыслей невольно стало стыдно, и оборотень замедлил шаг. Он понимал, что никуда не уедет. Пока дорожные службы разбирали завал, Маккуин принимали его, как своего. Как будто он уже успел обменяться кровью с младшей дочерью вождя.

Волк – хозяин своему слову. Обещал, значит, должен жениться.

Просто... так хотелось, чтобы его жертву оценили. Чтобы подруга детства поняла, как много он сделал для нее, чтобы хотя бы поблагодарила от души, а не кивком головы с таким видом, словно ей не очень-то и хотелось снять клеймо.

И как же хотелось, чтобы Дженни признала, что он был прав насчет ди Форкалонена. Что вся эта отвратительная, глупая ситуация по ее вине – она отказалась выйти замуж, превратила себя в изгоя и лишила клан наследника. А надо было слушать, когда Чарли предупреждал по поводу демона!

Он замедлил шаг, достал платок и громко высморкался. Еще и насморк в этих горах подхватил. Оборотень в соплях – кому скажешь, засмеют.

Обида постепенно отпускала и Чарли, задавшись вопросом куда он идет, завертел головой. Улица показалась ему смутно знакомой. Кажется, он проходил здесь уже не в первый раз.

Так, надо передохнуть. Посидеть в какой-нибудь забегаловке, успокоиться и подумать, как действовать дальше.

На глаза попала вывеска с дымящейся чашечкой. Кофейня – прямо как на заказ! Оборотень толкнул дверь и шагнул внутрь.

ГЛАВА 11

Долго сидеть в палате Дженни не дали. Всего через десять минут после ухода Чарли явился врач. И под предлогом того, что больному на форсированном излечении нужно спать как можно больше, выставил Дженни вон.

– Подождите два дня и сможете целоваться хоть круглые сутки, – категорично заявил он, и девушка согласилась. Целителю виднее.

На выходе из больницы она подскользнулась и непременно бы упала, если бы ее не подхватил проходящий рядом мужчина.

– Спасибо, – пробормотала Дженни.

Мужчина ничего не ответил. Только смерил ее цепким и неприятным взглядом, скривился и отшатнулся, словно она была прокаженной.

– Доктор Макмиллан, – окликнула его девушка, сидевшая за стойкой администратора, – Вас искал главврач.

Доктор? Странно, этот тип не слишком-то походил на доктора. Слишком ухоженный, с отпечатком столичного лоска. Дорогой костюм из шерсти, запонки, крутые часы – все в его облике кричало о достатке. Редкость для провинциального врача.

– Сейчас подойду, – буркнул он и зашагал по больничному коридору, ускоряя шаг.

Девушка помотала головой. Неприятный тип. Хорошо, что с Раумом работали совсем другие доктора.

Возвращаться в отель не хотелось, поэтому она устроилась за столиком в симпатичной кофейне недалеко от вокзала. Но не успела отхлебнуть кофе, как звякнул колокольчик над дверью, и в зал вошел Чарли.

Дженни напряглась. Последнее, чего ей сейчас хотелось – это выяснять отношения. Оборотень при виде нее замер и даже сделал шаг назад, словно собирался сбежать. Но почти сразу растерянность на его лице сменилась решимостью и он направился к девушке.

– Ты преследуешь меня? – мрачно спросила Дженни, когда он опустился на соседний стул.

– Я понятия не имел, что ты здесь! – его поза, лицо и даже голос выражали обиду, но девушка вдруг поняла, что ей плевать.

Он назвал ее потаскухой! По-хорошему, за такое морды бьют.

Повисла неприятная пауза. Подошла официантка, чтобы принять заказ.

– Кофе. С молоком, – не заглядывая в меню буркнул оборотень. И принялся сверлить Дженни взглядом.

– Чего тебе нужно? – спросила она, когда официантка отошла.

– Поговорить, – выдал Чарли. И, противореча сам себе, замолчал. Девушка вернулась, сгрузила с подноса чашку кофе. Оборотень понюхал ее, скривился и отодвинул. Достал несвежий платок и громко высморкался.

– Ну?! – не выдержала девушка.

Его, наконец, прорвало. Чарли заговорил.

– Знаешь, когда ты написала с чужого постографа, что тебе нужна помощь, я не стал оправдываться тем, что у меня учеба, дела, планы. Сразу снял все деньги со счета, купил билеты. А до этого месяц мотался по твоим делам: собирал совет клана, искал шамана...

По ее делам? Дженни захотелось издевательски рассмеяться. Ну да, разумеется, сам Чарли тут ни при чем и не имеет к ее изгнанию никакого отношения!

– Это очень благородно с твоей стороны.

– Я проникся твоим положением, – все больше заводясь, вешал друг. – Рисковал, чтобы спасти от ди Форкалонена. А я ведь говорил, я предупреждал, что тебе не стоит связываться с ним!

Девушка закатила глаза.

– Не начинай!

Но Чарли было уже не остановить...

Вдохнув ароматы кофейни Кари чуть было не сбежала.

Нет, пахло тут очень приятно. Свежим кофе и горячим шоколадом, корицей, кардамоном и ванилью. К запахам напитков и специй примешивался еле ощутимый, но восхитительный запах свежей выпечки. Ароматы изумительно гармонировали друг с другом и с наполнявшим пространство кофейни звуками – позвякивание ложечки о фарфор, скрип подвигаемых стульев, шорох джезвы, скользящей по горячему песку, негромкие разговоры...

Но для чувствительного носа волчицы такая интенсивная атака оказалась непосильной. Кари, привыкшая во многом “видеть” окружающий мир посредством обоняния, ощущала себя беспомощной.

Но дядя Патрик уже тащил ее вглубь зала, и девушка решила, что ничего страшного за полчаса без обоняния в кофейне с ней не случится.

– Вот, мелкая, – постановил он, отодвигая для нее стул. – И чтоб отсюда ни ногой, пока мы не вернемся!

– Конечно, – заверила она родственника. И достала планшетку и шило.

Минут десять Кари с удовольствием работала, а потом парочка за соседним столиком начала выяснять отношения. Громко и весьма эмоционально.

Сосредоточиться на письме стало просто нереально. В условиях напрочь забитого запахом кофе обоняния слух особенно обострился, улавливая малейшие вздохи и оттенки интонаций.

Парень – судя по голосу совсем молодой, не старше Брайана – высказывал претензии, упрекая подругу в неблагодарности. Девушка не только не раскаивалась, но и явно еле сдерживалась, чтобы не послать благодетеля по известному адресу.

Подслушивать нехорошо, и Кари с удовольствием бы этого не делала. Если бы они догадались говорить потише, а лучше в другом месте.

– Да ты знаешь, на что мне пришлось согласиться, чтобы уговорить шамана снять с тебя печать?!

– Нет.

– Я должен буду жениться на инвалиде! – с упреком воскликнул парень. – Какая-то слепая от рождения девица!

Кари вздрогнула. По спине пробежал неприятный холодок.

– Ее родня хочет, чтобы я переехал к ним в клан и день-деньской вытирал ей сопли, ты можешь это представить!

Не бывает таких совпадений! Или бывает?

Сейчас, когда беседа превратилась из абстрактной ссоры двух совершенно неизвестных индивидов, в разговор, касающийся Кари, правильно было бы обозначить свое присутствие. Но вместо этого девушка вся обратилась в слух.

– Я предлагал шаману деньги, услуги, но она ни на что не соглашалась. Или я женюсь или ты так и остаешься изгоем. И я согласился! Пошел на это ради тебя! А ты...

– А что я? – растерялась неизвестная девица.

– Сначала, когда до цели остается всего полчаса ты все бросаешь и уезжаешь с ди Форкалоненом! Потом этот обвал! Я два дня места себе не находил, пока его не разобрали. Вынужден был общаться с будущими родственниками, и делать вид, что все в порядке. А знаешь,

какая надоедливая у нее родня! Особенно моя будущая теща: она решила собрать на помолвку весь клан. Все эти бесконечные семейные обеды, общение с вдовыми троюродными тетками внучатых племянников!

Кари стиснула кулаки, чувствуя, как на смену благодушию приходит холодная трезвая злость.

Да, ей ли не знать, какими надоедливыми умеют быть ее родичи, особенно мама? Но что бы этот типчик ни думал о них, он не имел права обсуждать их в подобном тоне! Тем более с какими-то посторонними девицами!

За одно мгновение вся благожелательность к жениху, которую Кари взращивала в себе целую неделю, обратилась в ничто, а Чарльз Маккензи занял одно из лидирующих мест в ее личном рейтинге неприятных субъектов.

– Я думал, с ума сойду. Переживал как ты, гадал что этот подонок с тобой сделал. И вот, наконец, завал разобран, дорога восстановлена, я под каким-то дурацким предлогом уезжаю от Маккуинов, нахожу тебя. И что я вижу?! Ты! С ним! Целуешься!

Итак, еще веселее. Спасибо тебе, дорогая тетя за этот сомнительный подарочек. Можно подумать, Кари всю жизнь мечтала о женишке, безответно влюбленном в какую-то чужую девушку.

– Целуюсь, – мрачно подтвердила чужая девица. – И что? Тебе какое дело? У тебя же невеста есть.

– Но я же все устроил, чтобы снять печать... Ты больше не обязана быть с ним!

Маккензи уже упоминал о печати изгоя раньше. Картина потихоньку проясняется. Итак, Ванда согласилась снять с его подруги (видимо, тоже волчицы) печать в обмен на женитьбу на Кари.

Да уж – просто свадьба мечты. Неужели тетка настолько ее не уважает?

– Я не брошу Раума, Чарли. Мне с ним хорошо.

– Значит, ты вернешься в клан, ди Форкалонен получит тебя, а мне жениться на какой-то слепой дуре, которая даром никому не нужна?! Переезжать в это захолустье. Хорошо вы устроились, ничего не скажешь.

Эмоции схлынули резко, осталась только брезгливость и легкое отстраненное любопытство. Этот Маккензи был для Кари чужаком и она твердо решила, что чужаком он и останется.

– Мы устроились? – девица за соседним столиком опешила. – Ты сам применил ко мне Императив, чтобы заставить выйти за тебя замуж!

Все интересней и интересней.

– Я пытался тебя защитить! И сделал все, чтобы исправить свою ошибку. Ты могла бы хоть поблагодарить!

– За что? За то, что я из-за тебя стала изгоем?

– Значит, не за что? – запальчиво переспросил оборотень. – Интересно, а что ты скажешь, если я откажусь жениться?

– Скажу, что это очень некрасиво по отношению к девушке и ее родным, – зло обрубил его собеседница.

Послышался звук отодвигаемого стула – девица встала.

– А знаешь что: отказывайся. Мне кажется, для этой девушки будет лучше остаться одной, чем с таким, как ты. А мне не нужно милостей с барского плеча, если ты потом собрался всю жизнь попрекать меня ими!

– Дженни! Подожди!

Сердитый цокот каблучков разнесся по кофейне, потом звякнул колокольчик над дверью. Оборотень за соседним столиком сдавленно выругался. А потом оглушительно чихнул.

Кари отхлебнула кофе, пряча в чашке довольную улыбку. Она услышала достаточно. Теперь, даже если Маккензи все же решит жениться, ей будет что сказать сородичам по поводу этого брака.

ГЛАВА 12

Как и большинство сильных мужчин Раум категорически не умел болеть и норовил, лишь почувствовав себя немного лучше, угробить все результаты лечения. Дженни убедилась в этом, когда пришла навестить его на следующий день.

Словно могучий вихрь подхватил ее на пороге и понес. Она и опомниться не успела, как обнаружила себя в кровати, сидящей на коленях у демона.

– И как это называется? – с притворной строгостью спросила она.

– Хм-м-м, дай-ка подумать... – он положил руку ей на затылок, притягивая ближе, почти укладывая на себя. Наглый язык раздвинул губы и проник к ней в рот, заставив девушку задохнуться от неожиданного желания. – Мне кажется, это называется, поцелуй. Но я не уверен. Могу ошибаться, давно не практиковался.

Она невольно прыснула, но тут же сделала серьезное лицо.

– Тебе разве можно поднимать тяжести?

– Во-первых, ты не тяжелая. Во-вторых, я же вроде как твой парень, если ты не передумала, рыжая. Так что можно. И целовать, и поднимать.

– Я не это имела... – запротестовала было Дженни, но поймала его взгляд и осеклась.

В этом взгляде было столько восхищения и нежности. Совсем ничего общего с обычной надменно-саркастичной маской демона. И Дженни забыла, что хотела сказать.

Она подняла руку осторожно коснулась его щеки. Медленно провела пальцем вниз, погладила упрямый подбородок, легонько поцеловала. Раум замер, позволяя ей действовать, и девушка осмелела. Еще несколько легких, почти целомудренных поцелуев, осторожные прикосновения, поглаживания. Ладони нырнули под синюю больничную пижаму. Не столько с эротическим подтекстом, сколько в желании сблизиться.

Горячий. Все такой же неестественно-горячей, как и вчера, но выглядит уже гораздо лучше. Если не присматриваться, даже не поймешь, что побывал в передраге.

– Детка, ты меня провоцируешь, – севшим голосом пробормотал демон.

– Хорошо, не буду, – Дженни хотела было отдернуть руки, но Раум перехватил ее запястья.

– Ну уж нет! Что значит “не буду”?

Девушка охотно послушалась. Помогла расстегнуть пуговицы и прильнула, жалея, что сама не может раздеться.

– Не поднимай меня, пока тебя не выпишут. Я боюсь за тебя.

Он улыбнулся какой-то теплой, незнакомой улыбкой.

– Приятно слышать, что ты обо мне беспокоишься, Дженни-заботливая-мамочка. Не бойся, я почти в норме, остался всего один сеанс. Завтра меня здесь уже не будет.

– Завтра? – недоверчиво переспросила Дженни.

– Ага, – демон привлек девушку к себе. Рука легла ей на грудь, пальцы начали осторожно поглаживать затвердевший сосок сквозь слой ткани. Без намека на продолжение, скорее просто как маленький знак, что ему позволено это – прикоснуться к ее телу так интимно и бесстыдно. Дженни прикрыла глаза, наслаждаясь лаской. Осаживать нахала не было ни малейшего желания. – И мы сразу же отправимся к твоему шаману. Эй, детка. Что случилось? – мгновенно уловив ее изменившееся настроение Раум убрал руку и слегка встряхнул девушку, обеспокоенно заглядывая в ее лицо. – Я не собирался тебя домогаться, честно. Я все понял еще в прошлый раз! Если не хочешь – просто скажи.

– Дело не в этом. Мне приятно, когда ты так делаешь, – Дженни чуть покраснела. – Просто... с шаманом ничего не получится...

И она пересказала разговор в кофейне. Коротко и по возможности, стараясь не выказывать своих эмоций, но Раум все равно все понял.

– Ну и дерьмо этот твой Маккензи.

– Он не мой, – она скривилась. Снова, накатили те же чувства, что и вчера. Нет, не злость. Скорее гадливость. Дженни оглядывалась в прошлое и силилась понять, как она могла влюбиться в это ничтожество. Благослови Богиня Раума хотя бы за то, что он вылечил ее от этого позорного чувства. И как же хорошо для Маккензи, что настоящая суть наследника вылезла до того, как он успел стать вожаком!

– Но теперь непонятно, что делать с печатью изгоя. Чарли говорил, шаман не берет деньги...

– Расслабься, детка. Я решу этот вопрос.

– Как?

– Как-нибудь. Завтра поедем к твоим волкам, я поговорю с вожаком. Обещаю, что в столицу ты вернешься уже без клейма. Веришь мне?

– Верю, – искренне сказал Дженни.

Это обещание определенно заслуживало поцелуя и не одного. И следующие десять минут в палате стояла тишина, разбавляемая только звуком тяжелого дыхания. Они целовались жадно, словно встретились после многих месяцев разлуки. Дженни с трудом оторвалась от демона, чувствуя, как горят распухшие губы, а тело ломит от взрослых желаний.

Но не в палате же!

“Почему нет?” – тихонько возразила волчица, и Дженни поняла, что почти не слышала ее все эти дни. Безумная пробежка заставила рыжую бестию заснуть.

– Не в палате, – согласился с усмешкой Раум. – Я все еще под ФМЛ, поэтому не рискну, боюсь облажаться. Кроме того, я хочу, чтобы наш первый раз был особенным, а это местечко точно не тянет на особенное, – он ласково провел большим пальцем по ее нижней губе. – Ты такая красивая, Дженни-рыжая-волчица.

Девушка вспыхнула от удовольствия. Эти слова и восхищение в его взгляде. Ах, если бы Раум с самого начала был с ней таким...

Тогда это был бы не Раум.

– Дженни, – демон вдруг стал серьезным, даже немного торжественным. И замялся, словно пытался, но не мог найти слова, чтобы выразить что-то очень личное. – Я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.